

ETHNOPOLICY

ЭТНОСАЯСАТ
ЭТНОПОЛИТИКА

№ 3-4 - 2021

ETHNOPOLICY

ЭТНОСАЯСАТ

ЭТНОПОЛИТИКА

№ 3-4 (2021)

ISSN (print)
ISSN (online)

ЖУРНАЛ ТУРАЛЫ АҚПАРАТ/ ABOUT THE JOURNAL / О ЖУРНАЛЕ

Журналдың шығу кестесі

№ 1 – I тоқсан;

№ 2 – II тоқсан;

№ 3 – III тоқсан;

№ 4 – IV тоқсан.

Басылым нөмірлерінде орналастырылған мақалаларға DOI беріледі.

ЭТНОСАЯСАТ ақпараттық-сараптамалық басылым

Аңдатпа: Жалпы ақпарат және ережелер

«Этносаясат» ақпараттық-сараптамалық басылым ҚР АҚДМ Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты тапсырысымен 2021 жылдан бастап шығарылады.

Басылымда ақпараттық-сараптамалық мақалалар, талдамалық шолулар (анықтамалар), ғылыми зерттеулердің қазақ, орыс және/немесе ағылшын тілдеріндегі нәтижелері жарияланатын болады.

Журналдың мақсаты, міндеттері және тақырыптық бағыты

Басылымның негізгі мақсаты этносаралық қатынастар саласындағы өзекті мәселелерді көрсету.

Журналдың міндеттері:

- этносаралық қатынастар үрдістерін сараптамалық бағалау, ҒСҚ, өңірлердің ҒСТ мүшелерінің, этносаралық қатынастар мәселелері бойынша отандық және шетелдік сарапшылар мен ғалымдардың қоғамдық келісім саласындағы жағдайын болжау бойынша материалдар жариялау;

- мемлекеттік саясатты іске асыруға бағытталған этносаралық қатынастар тақырыбы бойынша өткізіліп жатқан іс-шаралардың, жобалардың талдамалық шолуларын басып шығару.

Авторлардың пікірлері редакциялық алқамен сәйкес келмеуі мүмкін.

ETHNOPOLICY information and analytical publication

Abstract: General information and provisions

The information and analytical publication «Ethnopolitics» has been published by order of the Institute of Applied Ethnopolitical Research of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan since 2021.

The publication will publish articles of an information and analytical plan, analytical reviews (references), results of scientific research in Kazakh and/or Russian. Publication in the journal is free.

Purposes, objectives and thematic focus of the journal

The main purpose of the publication is to highlight topical issues of interethnic relations.

The objectives of this journal are:

- publication of materials on expert assessment of trends in interethnic relations, forecasting the situation in the field of public consent of members of the NEC, NEG regions, domestic and foreign experts and scientists on interethnic relations;

- publication of analytical reviews of ongoing events, projects on the subject of interethnic relations aimed at the implementation of state policy.

The opinion of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

ЭТНОПОЛИТИКА информационно-аналитическое издание

Аннотация: Общие сведения и положения

Информационно-аналитическое издание «Этнополитика» издается по заказу Института прикладных этнополитических исследований МИОР РК с 2021 года.

В издании публикуются статьи информационно-аналитического плана, аналитические обзоры (справки), результаты научных исследований на казахском, русском и/или английском языках.

Цели, задачи и тематическая направленность журнала

Основной целью издания является освещение актуальных вопросов сферы межэтнических отношений.

Задачи данного журнала:

- публикация материалов экспертной оценки тенденций в межэтнических отношениях, прогнозирование ситуации в сфере общественного согласия членов НЭС, НЭГ регионов, отечественных и зарубежных экспертов и ученых в вопросах межэтнических отношений;

- публикация аналитических обзоров проводимых мероприятий, проектов по тематике межэтнических отношений, направленных на реализацию государственной политики.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Баспагер / Publisher / Издатель, 2021

© «NEXT TIME Қоры» Қоғамдық Қоры. 010000, Нұр-Сұлтан қ., Есіл ауданы, 38 көше, 34/1 үй, офис 23

© Public fund «Fund NEXT TIME» 010000, Nur-Sultan city, Esil district, 38 street, 34/1, office 23

© Общественный фонд «Фонд NEXT TIME». 010000, г. Нур-Султан, Есильский район, ул 38, дом. 34/1, офис 23

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС**Редакциялық кеңестің төрағасы:**

1.Қалиев Талғат Бегімұлы –
ҚР АҚДМ Қолданбалы этносаяси
зерттеулер институтының
директоры, саяси ғ.к

Редакциялық кеңестің мүшелері:

1.Шойкин Галым
Нұрмағамбетұлы - ҚР АҚДМ
Этносаралық қатынастарды
дамыту комитетінің төрағасы,
саяси ғ.к;

2.Рыстина Индира
Садыбекқызы – ҚР Президенті
Әкімшілігі ҚХАК хатшылығы
меңгерушісінің орынбасары, PhD;

3. Дронзина Татьяна
Александровна – Сент-Клемент
Орхидский атындағы София
университеті, саясаттану
кафедрасының профессоры,
саяси.ғ.д;

4. Артықбаев Жамбыл Омарұлы
– Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университетінің
профессоры, т.ғ.д;

5. Шаймерденова Меңдіғаным
Жамалбекқызы - Т. Қ. Жүргенов
атындағы Қазақ ұлттық өнер
академиясының профессоры, т.
ғ.к;

6. Құсманғали Галымжан
Мұратұлы – «Қоғамдық келісім»
РММ директоры;

7.Әшімханова Дана
Әзірханқызы - ҚР АҚДМ
Қолданбалы этносаяси
зерттеулер институтының
директоры орынбасары, PhD;

8.Манойло Андрей Викторович
- М.В. Ломоносов атындағы
ММУ Саясаттану факультетінің
профессоры, саяси.ғ.д;

9.Гулевич Ольга Александровна
- Ресей Ғылым академиясының
Психология институты,
психология ғ.д.

EDITORIAL COUNCIL**Chairman of the editorial board:**

1.Kaliyev Talgat Begimovich -
director of Institute of Applied
Ethnopolitical Research of the MFA
RK, Cand. Sc. (Politics)

Members of the editorial board:

1.Shoikin Galym
Nurmagambetovich - Chairman of
the Committee for the Development
of Interethnic Relations of the MFA
RK, Cand. Sc. (Politics);

2.Rystina Indira Sadybekovna -
Deputy Head of the SANC of the
Presidential Administration of the
Republic of Kazakhstan, PhD;

3. Dronzina Tatyana Aleksandrovna
- Professor of the Department of
Political Science at Sofia University.
St. Clement of Ohrid, Doctor of
Political Sciences;

4. Artykbayev Zhambyl Omarovich
- Professor of the L.N.Gumilev
Eurasian National University, Doctor
of History;

5. Shaimerdenova Mendyganym
Jamalbekovna - Professor of the
Kazakh National Academy of Arts
named after T.K.Zhurgenov, Doctor
of History;

6. Kusmangali Galymzhan
Muratovich - director of RSU
«Kogamydyk kelisim»;

7.Ashimkhanova Dana
Ezirkhanovna - deputy director of
Institute of Applied Ethnopolitical
Research of the MFA RK, PhD;

8.Manoylo Andrey Viktorovich
- Professor of the Faculty of
Political Science at Lomonosov
Moscow State University, Doctor of
Political Sciences;

9.Gulevich Olga Aleksandrovna
- Institute of Psychology of Russian
Academy of Sciences, Doctor of
Psychological Science.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Председатель редакционного
совета:**

1.Калиев Талғат Бегимович -
директор Института прикладных
этнополитических исследований
МИОР РК, к.полит.н.

Члены редакционного совета:

1.Шойкин Галым
Нурмағамбетович -
председатель Комитета по
развитию межэтнических
отношений МИОР РК, к.полит.н;

2.Рыстина Индира Садыбековна
- заместитель заведующего
САНК Администрации
Президента РК, PhD;

3. Дронзина Татьяна
Александровна - профессор
кафедры политологии
Софийского университета им.
Святого Климента Орхидского,
д.полит.н;

4. Артықбаев Жамбыл
Омарович - профессор
Евразийского национального
университета им.Л.Н.Гумилев,
д.и.н;

5. Шаймерденова Мендығаным
Джамалбековна - профессор
Казахской национальной
академии искусств имени
Т.К.Жургенова, к.и.н;

6. Кусманғали Галымжан
Муратович - директор РГУ
«Қоғамдық келісім»;

7.Ашимханова Дана
Эзирхановна - заместитель
директора Института
прикладных этнополитических
исследований МИОР РК, PhD;

8.Манойло Андрей Викторович
- профессор кафедры
российской политики МГУ
им. М. В. Ломоносова, д.полит.н;

9.Гулевич Ольга Александровна
- Институт психологии
Российской академии наук,
д.психолог.н.

МАЗМУНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

I. ЭТНОСТАР ЖӘНЕ ТАРИХ / ETHNIC GROUPS AND HISTORY / ЭТНОСЫ И ИСТОРИЯ

- Абиль Е.А.** 7
Историческая память и нациестроительство
- Джиеналиев Е.К.** 14
The processes of adaptation of poles in Kazakhstan in the XIX-XX centuries

II. ЭТНОСАЯСИ ТРЕНДТЕР / ETHNOPOLITICAL TRENDS / ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

- Шаһарман Г.П., Оспанова Б.Р.** 41
Мемлекеттік тіл-ұлтаралық тұрақтылықтың кепілі
- Неъматов А.И.** 48
Динамика рисков в Центральной Азии

III. ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕ / THEORY AND PRACTICE / ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- Ергенболатқызы А.** 62
«Незнакомая родина»: что волнует репатриантов?
- Жусупова А.С.** 73
Методология исследования вопросов национализма в современном информационном обществе

УДК 9(930.85)
МРНТИ 28.23.21
DOI

Абиль Еркин Аманжолович

д.и.н., профессор.

Директор Института истории государства КН МОН РК

г. Нур-Султан, Республика Казахстан

e-mail: yerkinabil@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Аңдатпа. Мақалада ұжымдық бірегейлік пен ұлт құрылысының қалыптасу процестеріне тарихи жадтың әсер ету мәселесі қарастырылады. Тарихтың қазіргі заманғы ұлттық репрезентациясы фрагменттелген, қазақтар мен Қазақстанның басқа да халықтарының дербес тарихы бар, десе де, тарих әлі күнге дейін этникалық ұжымдардың тарихы ретінде қабылданады. Тарихты бейнелеу кемшіліктер кешенінің қалыптасуына және жарақаттанған ұжымдық жадтың дамуына ықпал етеді. Посткеңестік және этноцентрлік дискурс өркениеттік-ұлттық болып ауыстырылатын тарихты репрезентациялаудың жаңа моделі ұсынылады.

Түйін сөздер: тарихи жады, ұлттық репрезентация, посткеңестік және этноцентрлік дискурс

Abstract. The article deals with the problem of historical memory influence of the collective identity formation and nation-building processes. The modern national representation of the history is fragmented, there are independent histories of the Kazakhs and other peoples of Kazakhstan, the history is still perceived as the history of ethnic groups. The representation of the history contributes to the formation of an inferiority complex and the development of a traumatized collective memory. A new model of the history representation is proposed, in which the post-Soviet and ethnocentric discourse is replaced by a civilization-national one.

Key words: historical memory, national representation, post-Soviet and ethnocentric discourse

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния исторической памяти на процессы формирования коллективной идентичности и нациестроительства.

Современная национальная репрезентация истории фрагментирована, существуют самостоятельные истории казахов и других народов Казахстана, история по-прежнему воспринимается как история этнических коллективов. Репрезентация истории способствует формированию комплекса неполноценности и развитию травмированной коллективной памяти. Предлагается новая модель репрезентации истории, в которой постсоветский и этноцентрический дискурсы заменяются цивилизационно-национальным.

Ключевые слова: историческая память, национальная репрезентация, постсоветский и этноцентрический дискурсы

Тема памяти получила широкое распространение в связи с обсуждением ряда проблем, которая придала им определенное политическое звучание. В числе таковых можно отметить:

1. Вопросы нациестроительства, актуальные для новообразованных государств, возникших на территории бывшего Советского Союза и социалистической Югославии. Эти процессы актуализировали проблему этноса и межэтнических отношений, в частности, соотношения гражданского и этнического национализма.

2. Вопросы идентичности, не только национальной, но и цивилизационной, которые обострились в контексте геополитического сдвига, вызванного крушением биполярной структуры международных отношений и сопутствующего этому крушению «конфликта цивилизаций».

3. Академические дискуссии о природе исторического знания и статусе исторической науки в современном российском обществе.

Долгое время размышления в рамках первого, второго и третьего направлений проходили автономно, точнее изолированно друг от друга, и, возможно, именно этим объясняется отсутствие сколько-нибудь значимых результатов в решении данных вопросов. При этом проблема памяти и другие связанные с ней вопросы рассматривались преимущественно в идеологическом ключе, а сам ход их обсуждения подчинялся не столько логике научного поиска, сколько давлению политической конъюнктуры. Не историки, а политики и публицисты оказались на переднем плане обсуждения этих проблем.

Что понимается под исторической культурой в современной исторической науке? В ее составе выделяют два горизонта:

1. собственно историческое мышление (включая науку истории);
2. представления о прошлом, складывающиеся в ходе исторического процесса в коллективной памяти различных этнических и социальных групп.

На втором горизонте исторической памяти размещаются памятники устной традиции, документы публичного и частного характера, литературные источники – исторические сочинения, художественные и публицистические произведения [1]. Во взаимодействии этих двух горизонтов активная роль принадлежит второму,

который иногда и называют собственно исторической культурой [2]. Назначение исторической культуры – обеспечить социальное согласие посредством отсылки к прошлому. Естественно, что образ прошлого не статичен и переживает непрерывные изменения, причины которых – как поворотные события в жизни нации, так и политическая конъюнктура. В любом случае эти образы являются результатом конструирования.

Тезис о взаимосвязи памяти с нацией и национализмом емко и ярко выражен в утверждении Э.Смита (Anthony Smith): «no memory, no identity; no identity, no nation» - «Нет памяти – нет идентичности, нет идентичности – нет нации» [3]. Согласно концепции Э. Смита, нация – культурная единица населения, имеющая название, с отдельной территорией, общими мифами о происхождении и воспоминаниями, общественной культурой, общей экономикой, общими законными правами и обязанностями всех членов [4].

Определение нации, как «мнемонического сообщества» (mnemonic community) [5], опирается на память, как на этноресурс [6] и помнящую культуру [7]. По Я. Ассману «Помнящая культура» есть всеобщий феномен. Он обращен к группе и подразумевает выполнение социального обязательства по сохранению в памяти того, чего нельзя забыть, поскольку «помнящая культура имеет дело с «памятью, создающей общность» [8]. С. Балджиндер и М. Росс предприняли социально-психологическое исследование, изучающее связь между групповой идентичностью и исторической памятью [9]. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что разные представления групп об истории, определяющееся внутренней социальной идентичностью, отражает как преимущества, так и недостатки этих сообществ. С одной стороны, позитивные внутригрупповые предубеждения усиливают социальную идентичность и приверженность своей группе. С другой эти предубеждения способны спровоцировать конфликт, основанный на непонимании между отдельными людьми и группами [10].

Коллектив авторов в работе *Collective Memory and Social Representations of History* выделяет семь различных функций коллективной памяти, связанной с социальной идентичностью: 1) определяет группу и ее непрерывность, 2) определяет групповые ценности и нормы, 3) повышает сплоченность группы, 4) устанавливает ценность группы, 5) узаконивает групповое поведение, 6) мобилизует группу и 7) влияет на текущее психологическое состояние членов группы [11].

Американские ученые Д. Пеннебайкер и Б. Банасик (Pennebaker J. W., Banasik B. L.) пишут о том, что коллективные воспоминания являются мощными смыслообразующими инструментами как для сообщества, так и для отдельных индивидов в сообществе. По мере того, как идентичность и культура развиваются во времени, люди неявно реконструируют свою историю. Таким же образом новые коллективно определяемые исторические воспоминания помогают обеспечить идентичность для последующих поколений [12]. Не случайно Я. Ассман отмечал, что «память занимается воссозданием» [13].

В современной репрезентации национальной истории основное место занимают исторические события, связанные с трагическим прошлым – военными поражениями, колонизацией, политическими репрессиями и насильственной депортацией народов СССР. Все это связано с групповой исторической травмой. Культурная травма не только оставляет неизгладимые следы в групповом сознании людей переживших ее, но и «навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [14]. Историческая травма по А. Ассман в случае ее отложенности во времени вызывает травматизацию и табуизирование, которые приводят к тому, что не только преступники, но и жертвы не хотят воспоминаний [15].

В советском прошлом в значительной степени политизированная и идеологически выверенная история обрела почти ритуальные функции, связанные с демонстрацией лояльности режиму. Современная репрезентация истории в основных своих положениях является наследницей советской исторической концепции. Репрезентация истории фрагментирована, существуют самостоятельные истории казахов и других народов Казахстана, история по-прежнему воспринимается как история этнических коллективов. При этом репрезентация истории до 18 века способствует формированию комплекса неполноценности и развитию травмированной коллективной памяти.

Советская модель истории была преимущественно идеологической конструкцией. В подобной ситуации советские историки были вынуждены «давать отпор буржуазным фальсификаторам» и вне зависимости от того, «относились ли твои выводы к палеолиту или к империализму», советская историческая наука развивалась вокруг единственно доминирующей идеологии. Разоблачение «неправильной» исторической репрезентации стало дискурсивной практикой. Отголоски этих исследовательских практик слышны и в современном историческом сообществе, особенно – на региональном уровне, где в значительной мере сохраняется советская инерция, а неформальный уровень продолжает играть значительную роль, не уступая формализованным процедурам. Подобные практики выяснения отношений между собой еще с большей интенсивностью проявляются и в отношениях между историками постсоветских государств, где теоретические разногласия подкреплены и взаимными национальными претензиями.

Пересмотр модели репрезентации национальной истории не является спецификой Казахстана. Все транзитные общества переживают такое же состояние. История является мощным мобилизационным ресурсом как в деле разрушения старых политических режимов, так и создания новых институтов, призванных санкционировать демократический опыт и придавать легитимность новым режимам. Процессы политического транзита неизбежно сопровождаются фрагментацией общества. Нередко линией расхождения

является национальная история, точнее – отношение к историческому прошлому со стороны представителей различных политических сил. В ситуации перехода от авторитаризма к демократии, осложненного не только объективными социально-экономическими трудностями, но и усложненного историческими спекуляциями и ростом национализма происходит неизбежная политизация исторической науки. Склонность к политически выверенным оценкам прошлого на постсоветском пространстве самым тесным образом связана со значительными тенденциями к ревизии и пересмотру ранее доминировавших схем написания истории. В этом отношении все постсоветские историографии изначально ревизионистские.

Политизация истории часто имеет место в условиях политических переходов и трансформаций, в результате распада многонациональных государств. Факт исчезновения империй или мультиэтнических авторитарных режимов свидетельствует о том, что постепенно размывается некогда общая и единая история: «каждый народ помнит и чувствует эту историю по-своему. Национальная память по-своему перерабатывает и осмысляет общий опыт. И поэтому у каждого народа – свой XX век» [16]. В подобной ситуации установилось доминирование множественных памятей, некогда общая история усилиями интеллектуалов в новых странах подвергается национализации.

Признание факта политизации истории привело к тому, что национальная историография стала подвергаться критике как «мифологичная» и «мифотворческая», при этом критики забывают, что любая историческая память основана на мифе как символе. «Ортодоксальная», «чистая», «внеэтническая» история – такой же символ, такой же миф, но, чаще всего, миф имперский. Задача национальной историографии – десоветизация интеллектуального исторического дискурса без скатывания в дискурс этноцентрический.

В настоящее время начата активная работа МОН РК и научного сообщества по формированию новой модели репрезентации истории, в которой постсоветский и этноцентрический дискурс заменяется цивилизационно-национальным.

Базовая модель репрезентации национальной истории должна основываться на следующих принципах и подходах:

1. Принцип приоритета национальной истории. Национальная история рассматривается как часть всемирной истории. Однако, главной задачей национальной образовательной системы является формирование национального сознания, национальной идентичности. Поэтому и преподавание истории должно быть максимально подчинено этой задаче. Концепция и содержание дисциплины «всемирная история» должны быть пересмотрены таким образом, чтобы дополнять преподавание национальной истории, а не наоборот.

2. Принцип целостности. Необходимо рассматривать национальную историю как процесс зарождения, развития и упадка целостного исторического явления – цивилизации Великой степи (Ұлы Дала өркениеті).

Для отражения национальной истории цивилизационный подход при всех своих недостатках, является наиболее приемлемым, так как дает возможность рассматривать общества на территории Центральной Азии и Казахстана не как периферию, а как самостоятельные общества, бывшие в определенные периоды истории в центре мировых событий. Необходимо продолжить работу по теоретическому обоснованию единой цивилизации Великой степи.

3. Принцип перманентного развития. При репрезентации и преподавании истории следует делать акцент на прогрессе и изменениях:

В сфере материального производства – постепенный переход от присваивающих форм хозяйства к комплексному скотоводческо-земледельческому хозяйству с опорой на стационарные городские центры, переход к максимально эффективному использованию экологической системы, эволюция материальной культуры.

В сфере духовной культуры – развитие мировоззрения от политеизма до принятия мировых религий, развитие жанрового разнообразия в устной и письменной литературе, развитие письменности.

В сфере политической истории – развитие политических систем – от царской власти ранних евразийских скотоводов, через степные империи, потерю независимости и национально-территориальные советские проекты к формированию современной политической нации.

Именно такой подход позволит: а) показать вклад национальной истории в мировую, ее влияние на развитие всего человечества; б) преодолеть комплекс вторичности, неполноценности национальной истории.

4. Важный методологический подход, на котором должна основываться модель репрезентации национальной истории – деколонизация исторического сознания и гуманитарного знания.

Основной доминантой репрезентации и преподавания истории должен стать тезис: «Скотоводческие общества Великой степи, наследником которых является современная казахстанская нация – самостоятельный субъект истории, а не объект культурного и политического влияния «развитых» обществ».

Список источников и литературы:

1. Репина, Л.П. (Ред.). История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006, С.9-13.

2. Репина, Л.П. (Ред.). История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006, С.15.

3. Smith A. D. Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism//Nations and Nationalism. 1996. Vol. 2. No. 3. Pp. 371-388 <https://doi.org/10.1111/j.1469-8219.1996.tb00004.x> (дата обращения: 23.06.2021), 383 p.

4. Smith A.D. Myths and memories of the nation. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. Pp. 288, p.104.
5. Rowlinson, M., Booth, C., Clark, P., Delahaye, A., & Procter, S. (2010). Social remembering and organizational memory. *Organization Studies*, 31(1), 69-87. <https://doi.org/10.1177/0170840609347056> (дата обращения: 22.06.2021), 69 p.
6. Smith A.D. Myths and memories of the nation. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. Pp. 288.
7. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 368.
8. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 368, С. 30.
9. Baljinder S., Michael R. Group Identification and Historical Memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. No. 3. Pp. 384-395, С. 384.
10. Baljinder S., Michael R. Group Identification and Historical Memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. No. 3. Pp. 384-395, С.393.
11. Páez D., Bobowik M., de Guissmé L., H. Liu J. Licata L. Collective Memory and Social Representations of History. 2016. - URL: <https://clck.ru/rf27m> (дата обращения: 24.06.2021).
12. Pennebaker J. W., Banasik B. L. On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology In book: Pennebaker, J.W., Paez, D., Rim,, B., & Paez, D. (Eds.). (1997). *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives* (1st ed.). Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203774427> (дата обращения: 21.06.2021), С.18.
13. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 368, С.43.
14. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 5-40. –URL: <https://clck.ru/rf29c> (дата обращения: 24.06.2021). С.6.
15. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 328, С.105.
16. О «Национальных образах прошлого» XX век и «война памятей». Обращение Международного общества «Мемориал» [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/rf2Ai> (дата обращения: 15.10.2013).

Джиеналиев Ерлан Курмашевич

1st-year doctoral student of the Department of «Archaeology and Ethnology» of the Faculty of History of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov,
Nur-Sultan city, Republic of Kazakhstan.
e-mail: erlan.77@inbox.ru

**THE PROCESSES OF ADAPTATION OF POLES IN KAZAKHSTAN
IN THE XIX-XX CENTURIES**

Аңдатпа. Зерттеудің өзектілігі этностың өзге мәдениеттік мәдени ортада табысты бейімделуінің үлгісін көрсететін республиканың демографиялық, әлеуметтік - экономикалық, саяси және мәдени өмірінің тұрақты компонентіне айналған Қазақстанның поляк диаспорасының XIX-XX ғғ. дамуы мен қалыптасуымен айқындалады. Мақалада поляктардың революцияға дейінгі дәуірде, Ұлы Отан соғысы қарсаңында және барысында депортация кезеңінде Қазақстанға қоныс аудару және бейімделу кезеңдері баяндалады. Қоныс аудару мен депортация кезеңдерімен қатар жер аударылғандардың, қоныс аударушылар мен жер аударылғандардың саны, шаруашылық, әлеуметтік, мәдени бейімделу түрлері егжей-тегжейлі сипатталады. Қазақстанның табиғи-климаттық жағдайларына ұжымдық бейімделудің қажетті шарты ретінде елді мекендерді құру үрдісі дәріптеледі. Жаңа жағдайларда өзара көмек көрсету, өзге этникалық ортада ұлттық кодты сақтау үшін этникалық принцип бойынша бірлестік құруды қарастырған тұрмыстың бейімделу егжей-тегжейлі сипатталған. Жергілікті экономикалық жағдайға бейімделу әрекетін білдіретін экономикалық бейімделу үрдісі көрсетілген. Қоныс аударушылардың жергілікті тұрғындармен әлеуметтік-мәдени қарым-қатынасы ерекше атап өтілді. Қазақстан поляктары диаспораның мінсіз типі болды, олардың төменде аталған ерекше белгілері болды: өзінің бастапқы Отанынан күштеп ажыратылу, ұжымдық есте сақтау және жоғалған отанының мифологизациясы; әкелердің қиял мұрасын идеализациялау; қайта оралу қозғалысы; ұзақ уақыт сақталатын күшті топтық этникалық өзіндік сана; басқа елдердегі этникалық бауырластармен ынтымақтастық сезімі; этномәдени

толеранттылықты көрсететін «иелері» бар қабылдаушы елдердегі жасампаздық және өмірді байыту мүмкіндігі; диаспораның біртектілігі, ішкі қайшылықтардың болуы; өзін-өзі ұйымдастырудың ішкі қабілеті, топтық ынтымақтастықтың болуы және т. б. Қорытындылай келе, қайғылы тарихи оқиғаларға қарамастан, қоныс аударушылар жасампаз еңбекке бейімделіп, Қазақстанның дамуына белсене араласа алды деген қорытынды жасалды. Материалдар практикалық құндылыққа ие, өйткені үкіметтің бұл тәжірибені қолдануы сөзсіз этносаралық келісім атмосферасын құру саласында практикалық қолдануға негіз болады.

Түйін сөздер: Қазақстан, Сібір, жер аудару, патшалық, бейімделу, көші-қон, отарлау, депортация, этнос, осадниктер, католицизм, шляхта, ГУЛАГ

Abstract. The study's relevance is caused by the fact that the Polish diaspora of Kazakhstan in the XIX-XX centuries has become a stable component of the republic's demographic, socio-economic, political, and cultural life, reflecting the model of successful adaptation of the ethnic group in a different cultural environment. The article highlights the stages of resettlement and adaptation of Poles to Kazakhstan in the pre-revolutionary era, during the period of deportation on the eve of and during the Great Patriotic War. Along with the periods of resettlement and deportation, the number of exiles, peasant settlers, and deported Poles and types of economic, social, and cultural adaptation are described in detail. Creating settlements is described as a necessary condition for collective adaptation to Kazakhstan's natural and climatic conditions. Everyday adaptation is described in detail, which provides for the creation of an association on an ethnic basis for mutual assistance in new conditions and the preservation of the national code in a different ethnic environment. The trend of economic adaptation is shown, which is an attempt to adapt to local economic conditions through the occupation of the economy, crafts, and science; the Poles' contribution to Kazakhstan's culture is noted. Particularly noted is the socio-cultural interaction of immigrants with the local population, such as joint marriages, mutual influence of cultures, and others. The Poles of Kazakhstan were an ideal type of diaspora, the distinguishing features of which were the following: forced alienation from their original homeland, collective memory and mythologization of the lost homeland; idealization of the imaginary heritage of the fathers; backward movement; a strong group ethnic identity that persists for a long time; a sense of solidarity with ethnic brethren in other countries; the presence of «masters» demonstrating ethnocultural tolerance, the ability to create and enrich life in the host countries; homogeneity of the diaspora, the presence of internal contradictions; the internal ability for self-organization, the presence of group cooperation, etc. Finally, it was concluded that, despite the tragic historical events, the settlers were able to adapt to the Kazakhstani realities through their creative work and actively participate in the development of Kazakhstan. The materials are of practical value since using this experience in current conditions will inevitably become the basis for practical application in creating an atmosphere of interethnic harmony in the Republic of Kazakhstan.

Key words: Kazakhstan, Siberia, exile, tsarism, resettlement, colonization, deportation, ethnos, settlers, catholicism, gentry, GULAG

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что польская диаспора Казахстана XIX – XX вв. стала устойчивым компонентом демографической, социально-экономической, политической и культурной жизни республики, отражающим модель успешной адаптации этноса в иной культурной среде. В статье освещаются этапы переселения поляков в Казахстан и их адаптации в дореволюционную эпоху, в период депортации накануне и в годы Великой Отечественной войны. Наряду с периодами переселения и депортации подробно описывается численность ссыльных, крестьян-переселенцев и депортированных поляков, виды хозяйственной, социальной, культурной адаптации. Описывается процесс создания населенных пунктов как необходимого условия коллективной адаптации к природно-климатическим условиям Казахстана. Подробно описана бытовая адаптация, предусматривающая создание объединений по этническому принципу для взаимопомощи в новых условиях, сохранения национального кода в иной этнической среде. Показана тенденция экономической адаптации, представляющая собой попытку адаптации к местным экономическим условиям, через занятие хозяйством, ремеслами, наукой, отмечен вклад поляков в культуру Казахстана. Особо отмечены социально-культурное взаимодействия переселенцев с местным населением, такие как совместные браки, взаимовлияние культур и другие. Поляки Казахстана были идеальным типом диаспоры, отличительными чертами которых были следующие: насильственное отчуждение от своей первоначальной Родины, коллективная память и мифологизация утраченной родины; идеализация воображаемого наследия отцов; движение назад; сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся длительное время; чувство солидарности с этническими собратьями в других странах; наличие «хозяев», демонстрирующих этнокультурную толерантность способность к созиданию и обогащению жизни в принимающих странах; однородность диаспоры, наличие внутренних противоречий; внутренняя способность к самоорганизации, наличие группового сотрудничества и др. В заключении был сделан вывод о том, что, несмотря на трагические исторические события, переселенцы смогли адаптироваться к казахстанским реалиям, своим созидательным трудом и активно участвовать в развитии Казахстана. Материалы имеют практическую ценность, так как использование этого опыта в современных условиях неизбежно станет основой для практического применения в области создания атмосферы межэтнического согласия в Республике Казахстан.

Ключевые слова: Казахстан, Сибирь, ссылка, царизм, переселение, колонизация, депортация, этнос, осадники, католицизм, шляхта, ГУЛАГ

Introduction

The history of ethnic Poles of Kazakhstan dates back more than a century and a half, starting with the policy of tsarism on the forcible resettlement of Poles to the territory of Kazakhstan from the middle of the nineteenth century. Nevertheless, scientists began to seriously engage in the ethnographic study of the Polish population of Kazakhstan, including the processes of adaptation, only in the second half of the twentieth century. Before 1917, the issues of the ethnic history of Poles in Kazakhstan, the ethnographic study of Kazakhstan were not the subjects of special research, and during the Soviet period, for a long time, research on the problems of the Polish ethnic group living in the Republic of Kazakhstan was inaccessible or, at best, inaccessible to the general scientific community.

According to A.V. Remnev, the main content of the relations between the diaspora and the host society is adaptation. By adaptation, we mean the initial stage of integration, that is, «socio-cultural adaptation» and the entry of an immigrant group into the society of its host country. With this approach, even segregation can be an adaptation option, since the latter is not synonymous with acculturation or assimilation. In the process of adaptation, the diaspora acquires new qualities and skills: it determines its place in the system of division of labor, its economic niche in the host society, designates its social roles, develops special cultural and psychological characteristics into a specific mentality [1]

Poles of Kazakhstan are one example of the successful adaptation of an ethnic group to another ethno-cultural environment. Therefore, in the modern period, attempts are being made in the republic to renew research interest in this problem. Recently, the staff of the Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan conducted a comprehensive sociological study of adaptive practices of Poles in Kazakhstan, aimed at clarifying social, economic, and cultural problems and finding solutions to them. Over the past few years, several works have been published that examine the history and modern ethnosocial processes among Poles in Kazakhstan.

Materials and methods

In the course of studying the presented problem, we relied on works and documents, having studied which we could trace the processes of resettlement and adaptation of Poles in Kazakhstan. Essential sources for us were materials from the State Archive and archives of the President of the Republic of Kazakhstan, the city of Nur-Sultan, as well as materials published in various collections of documents, the information provided by the Polish center of the Assembly of People of Kazakhstan, as well as Internet resources where there is a significant layer of information about this problem. In preparing this publication, the following methods of scientific research were used: a case study (method of specific situations), including analysis and synthesis of information, revealing the regularity, interrelation, and interdependence of processes; as well as the method of analogy, requiring the establishment of similarities in some aspects, properties, and relationships between non-identical objects of research, based on which we made the appropriate conclusions. Bibliometric quantitative

methods were also used, with the help of the structure, dynamics, and interrelations of various phenomena in a library, information, and documentation activities. Content analysis is one of the bibliometric methods used by the author when writing this article. It was used to study significant arrays of documents: press works, normative-official, accounting, and other documentation. In the texts of the documents, some semantic units («observation units») were distinguished: the authors and titles of works, the type of publication, the date of issue, etc. A careful calculation of the identified units and the frequency of their use, taking into account the assessments that are given to them in the texts, made it possible to identify trends in the development of various phenomena: the information interest of various groups of users to certain types and genres of documents, the level of information culture, the effectiveness of methods of working with consumers of documentary information, etc.

Scientometric methods were also used for quantitative studies of the structure and dynamics of arrays and flows of scientific information.

Consideration \ discussion

Three groups of sources represent sources on the history of adaptation of Poles in Kazakhstan:

1. Pre-revolutionary literature
2. Sources of the Soviet period
3. Studies of the period of independent Kazakhstan

The peculiarity of studying issues of the formation of the multiethnic structure of the population of Kazakhstan in the pre-revolutionary period was their consideration mainly through the prism of studying the history of the participants' exile. In this regard, the researchers focused on the determining factors of migration flows, the socio-economic and political consequences of resettlement, and the prospects for the interaction of migrants with the local population.

Numerous statistical materials can be included here. Among this group, we can single out the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897, containing the first official information on the number of major ethnic groups living in Kazakhstan, including Poles.

Among the works of Polish researchers of the late XIX-early XX centuries, Sigmund Librovich and Mikhail Yanik provide reviews of the life of Poles of Kazakhstan in exile on the territory of Kazakhstan and Siberia, numerical data are provided, and their socio-economic situation is analyzed.

Z. Librovich concluded that the Poles in exile, with few exceptions, have not lost either their national traits or their civic-patriotic feeling. At the same time, the successful socio-economic integration of migrants did not act as a guarantee of assimilation for Librovich [2].

According to M. Yanika, Siberia and Kazakhstan were a «school of practical democracy» for Poles, teaching representatives of various social strata, nations, and religions to live and work together. Here Poles got acquainted with Russian revolutionaries and Kazakh

enlighteners and, supplemented their ideas about the social revolution, expanded their knowledge in geography, geology, and other sciences, without which it would be impossible to survive in the region [3].

In Soviet historiography and the studies of Polish historians, the problems of adaptation of Poles and cultural interaction were practically not raised. The topic of revolutionary ties remained a priority. At the same time, the 1860s received the most attention. It was assumed that during this period, the revolutionary ties of Poles, Russians, and Kazakhs left the sphere of ideological disputes and revolutionary propaganda and acquired paramount practical significance, mainly determining the social content, tactics, and chances of success of the liberation movement of people. The slogan «For our and your freedom!» became an imperative in Polish and Soviet historiography of the following time. Soviet historiography gave rise to the image of a Polish revolutionary who worked closely with Russian and Kazakh figures of the liberation movement. Emphasizing the commonality of the ideals and aspirations of the people, the researchers avoided ethnocultural collisions. Socio-economic, political, legal, and cultural aspects became a kind of background on which the main action was played out - the creation of secret Polish organizations and the establishment of contacts between Polish and Russian revolutionaries, figures of the Kazakh national liberation movement [4].

The book by G.S. Sapargaliev and V.A. Dyakov, «Socio-political activity of exiled Poles in pre-revolutionary Kazakhstan», highlights the issues of the political activity of Poles exiled to Kazakhstan in the XIX century based on materials from numerous sources [5].

After Kazakhstan gained independence, there was a surge of interest in the topic of the exile of Poles in the XIX century and their deportation in the XX century, which was due not only to political motives but also to the opening of archives and publications of new documentary sources. The accumulation of a large amount of factual material allowed researchers to describe the living conditions of exiles and their socio-legal situation and raise the question of the existence of specific behavioral strategies of Poles in Kazakhstan and Siberia.

In the works of Russian and Polish researchers V.Slivovskaya[6], E.Kachinskaya [7] and S.G. Pyatakova [8] A.V.Remnev [9], E.N.Tumanik [10], L.K.Ostrovsky [11], S.G.Filya [12], T.P.Mosunova [13], N.Galetkina [14], B.S.Shostakovich [15], A.A.Krikh [16] and other authors increasingly use the term «adaptation». Almost all the activities of Poles in Kazakhstan and Siberia are beginning to be viewed through the prism of this concept. However, the life troubles of the exiles turned into adaptation difficulties, and successes were presented as a consequence of high adaptive potential or favorable external conditions.

V. Slivovskaya identified three variants of adaptation strategies of Polish exiles: The first type - was the rebels who prepared escapes, made plans for an uprising, and were always ready to be punished for their actions. This type was formed, first of all, in the Russian troops, where Poles were massively exiled to the first half of the XIX century. The second type – contemplative-philosophical – grew out of recognizing Siberia as a school of character, giving unlimited opportunities for internal improvement. Finally, the third type,

the most common, manifested itself in an attempt to create special rules of life in new conditions that would allow exiles to improve socio-economic conditions, satisfy spiritual needs, and help compatriots [17].

The study of the history of the deportation of Poles to the territory of Kazakhstan began in the 1930-1940s. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan has published a collection of documents called «From the history of Poles in Kazakhstan» (1936-1956), where mentioned tragic events are consecrated [18].

Mikhailova L.A. [19] and Volkov A.V. [20], in their studies, showed the processes of deportation of Poles to the territory of Kazakhstan during the period of forced resettlement and their mutual relations with the local population.

Despite the extensive source material about the Poles of Kazakhstan, they only superficially sanctified the processes of their adaptation to new conditions. The Polish population's economic, social, cultural, and household adaptation during the tsarist exile and forced deportation during the Great Patriotic War have not been sufficiently studied.

Conclusion

The first Pole recorded to visit territories of Kazakhstan was Benedict Pole, a Polish Franciscan, traveler, and researcher. He accompanied Giovanni Plano de Carpini on his journey as the ambassador of Pope Innocent IV across the Kazakh steppes to the Mongol Empire in 1245-1247 to the grandson of Genghis Khan, the Great Khan Guyuk. He walked along the Silk Road through the south of Kazakhstan, recording in his diaries the realities of life and everyday life of the distant ancestors of today's Kazakhs. As a result, Benedict became the author of a short chronicle, «On the journey of the lesser brothers to the Tatars», which contains information about the medieval tribes of Kazakhstan.

At the beginning of the XVII century, the first Poles-prisoners of war who were captured due to an unsuccessful intervention in Russia - came to Siberia and Northern Kazakhstan.

The first stage of the mass migration of Poles to the territory of Kazakhstan occurred at the end of the XVIII and the whole XIX centuries. It was associated with the sending to Siberia and Kazakhstan participants in the Polish uprisings of 1794, 1830-1831, and 1863-1864.

The first Poles in Northern Kazakhstan were officers of the Shirvan and Neteburg regiments who served in the tsarist troops and arrived to build fortresses of the Novoishimskaya line. At the end of the XVIII century, the number of settlers in Northern Kazakhstan was replenished by the rebels led by Tadeusz Kosciuszko and defeated by the tsarist troops.

After the suppression of the Polish uprising of 1830-1831, several thousand Poles were exiled to Siberia. Most were assigned to the Siberian Cossack Army and placed on fortified lines. The defeat of the Polish conspiratorial organizations of the 1920s and the national liberation uprising of 1830-1831 led to a rapid increase in the number of exiles. Bronislav Zalessky, who arrived in exile in the 40s, wrote that there were more than two thousand

repressed Poles in the fortresses of the Orenburg Region at that time. According to official data preserved in the papers of the Orenburg Governor-General V.A. Obruchev, in 1850, there were 1,667 «fined lower ranks» in the Orenburg corps, mainly from Poles [21].

After the defeat of the Polish uprising of 1863-1864, 128 were executed, 972 were exiled to hard labor, 1427 were settled in Siberia and Kazakhstan, 325 were given to soldiers, 864 were exiled to prison companies, 1529 were exiled to the inner provinces, and 9631 people were resettled to state lands within the empire. The total number of Polish exiles was approaching 40 thousand [22].

On January 1, 1867, the following numbers of Polish had been exiled to the districts of the Tobolsk province: Omsk-1274, Tobolsk-430, Tarsky-540, Ishim-494, Turin-7, Yalutorovsky-7, Kurgan-10.

In Tomsk province, in July 1865, there were more than 5 thousand Polish exiles. In the cities and districts of the Tobolsk province (Omsk, Petropavlovsk, Ishim, Kurgan, etc.), by January 1, 1867, 656 people were exiled to residence with deprivation of certain rights under the supervision of the police, 833 people were exiled administratively, 827 and 347 people were exiled in the cities and districts of the Tomsk province, respectively. In the Semipalatinsk region, 38 Poles were under police supervision in 1866. The police report indicated that the persons named in it were exiled for political affairs and «unreliable way of thinking.» There were 480 Poles in the line battalions of Western Siberia who were sent to military service for «political crimes». Only 43 Polish soldiers served in the sixth battalion in the Kapala fortification and the seventh battalion in Sergiopol (Ayaguz)-22 Polish soldiers [23].

The situation of exiles in Kazakhstan and Siberia was initially challenging. The bitterness of defeat, forced separation from their homeland, and exile to an unknown and hostile land with a harsh climate and a foreign cultural environment were very difficult for them. Not everyone withstood such severe tests.

Petropavlovsk's letter of political exiles addressed to the governor of Akmola, dated February 14, 1889, is characteristic. It described the bullying of the guards, who did not give the exiles rest day or night, interfered in their personal lives, constantly harassed them, and forced the owners of the apartments to monitor their every step [24].

Mass repressions caused the need for the legal regulation of the conditions in which the exiled and resettled Poles had to be. On March 5, 1864, the tsar approved the rules for the expulsion and placement and returned to police supervision of the uprising participants. The «political criminals» expelled from Poland by a court and administrative procedure were divided into categories. Those sentenced to detention in prison companies after the end of the term were appointed to settle in the Yakut and Turukhansky territories and the Arkhangelsk and Tobolsk provinces.

The financial situation of Poles in Kazakhstan was also complicated. Those with specialties could not find a job since there were almost no industrial enterprises in the places of exile. As a rule, the Minister and the Governor-General refused requests from political exiles to allow them to work for hire in State and public institutions.

Many of the exiles arrived without their families, hoping that exile was a temporary measure of punishment and that they would soon return to their homeland. However, the tsarist authorities decided differently. The Resettlement Commission began to find out from the exiles whether they would like to discharge their families. The exiles refused, stating they did not want to put their relatives at risk since they did not know what awaited them in the future. However, the resistance could not last long. The authorities broke him with the help of pressure and various tricks. The head of the Tobolsk province, Despot-Zenovich, wrote on June 10, 1865, that immigrants were being inspired to settle in Siberia for permanent residence and therefore, to strengthen and improve their way of life, they should try to create their economy faster [25].

For a long time, the Polish exiles being settled did not receive the allowance they had received from the treasury. And then it began to be issued in parts, so the exiles could not get a farm.

Driven to poverty and despair, the Poles organized hundreds of escapes, which almost always failed in the vast expanses of Siberia and Kazakhstan. Polish exiles hoped for the help of the Kazakhs and often received it. One of the fleeing Poles said that about 150 of them intended to reach the Kazakhs. A Pole and a Kazakh led this group. A group of Polish soldiers escaped from the Kapala fortification, trying to get to their homeland through China. A Tatar showed them the way. The Tsarist administration in 1864 decided that the return to the troops of «persons Polish origin, who committed escapes to evade military service, is dangerous for the dignity and morality of the army, which indicates ill will towards the government.» It was decided to put «deserters» of Polish origin on trial on a general basis to impose additional punishments in the form of exile to the most remote places of Siberia in addition to the sentence [26].

As an indicator of the adaptation process, historians are considering the Poles' solution to the dilemma: to stay in Siberia or to leave? However, upon closer examination, it turned out that the choice of exiles was not always the result of internal self-determination. Professor of the University of Gdansk F. Novinsky, considering the problems of the implementation of the amnesty of 1856, noted that the decision of the exile to stay in Siberia was influenced by many external factors: the inconsistency of the actions of local and central authorities, the lengthy procedure for obtaining an exit permit, bureaucratic delays. Some exiles could not leave due to the unwillingness of the local authorities of the Kingdom of Poland to accept the amnestied or the lack of money for the Poles to move. The adaptation of those who returned to the Polish or western provinces also did not go smoothly, confirmed by numerous examples when former exiles, finding themselves in their homeland without money and work, sought to return to the Trans-Urals [27].

The lack of hope for a return and the negative attitude towards the first Polish exiles convinced the Poles «that Siberia and Kazakhstan are a new homeland for them, that one way or the other should be strengthened in the only hopes for it alone.» Therefore, the forcibly resettled had no other choice but to adapt to the new harsh realities. The main prerequisite for successful adaptation was the emergence of the Polish Diaspora in places of exile.

The Polish exile of the XIX century represented an almost ideal type of diaspora, consistent with most of the features identified: dispersion concerning their original homeland, often violent, collective memory and mythologization of the lost homeland; idealization of the imaginary heritage of the fathers; return movement; strong group ethnic identity, persisting for a long time; a sense of solidarity with ethnic brethren in other countries; the possibility of creative and enriching life in host countries with «hosts» showing ethnocultural tolerance; heterogeneity of the diaspora, the presence of internal contradictions; internal capacity for self-organization, the presence of group solidarity, etc.

Russian sociologist V.D. Popkov identified eight criteria by which it is possible to classify diasporas: common historical fate, legal status, circumstances of appearance, the nature of motivation for resettlement, the nature of stay in the territory of the settlement region, the presence of a «base» in the region of a new settlement, «cultural similarity» with the host population and the presence of state entities on the territory countries of origin [28].

According to I.V. Romanova, Poles in the XIX century created an «internal diaspora» on the principle of «homeland as a place of exile». The peculiarity of the existence of the Polish diaspora was that the Poles were subjects of the Russian Empire. This fact allows us to attribute the Polish diaspora to an «independent type» and consider their migration as a component of the «internal colonization of the Russian Empire» [29].

Two variants of the diaspora interpretation will be significant for our research. Firstly, the definition of the diaspora developed within the framework of the sociological school as a stable set of people of a single ethnic origin living in a non-ethnic environment outside their historical homeland and having social institutions for the development and functioning of this community [30].

Such a positivist interpretation of the diaspora will allow us to explore the external parameters of Polish exile. In this case, the functioning of the diaspora is analyzed through the activities of specific organizations, communities, ethnic communities, and national cultural organizations. The main component of its activities is the opposition to assimilation and the preservation of cultural identity.

In the study, we will first be interested in group forms of adaptation that allow us to distance ourselves from ethnopsychology and consider national relations as a kind of social interaction. The degree of integration of members of the diaspora in the host society is considered according to the following criteria: the presence of official work, the intensity of contact of members of the diaspora with the outside world, the correspondence of the behavior of members of the diaspora with the outside world, the correspondence of the behavior of members of the diaspora with the requirements of the host society, the presence of a diasporic identity.

E.L. Nitoburg identified several factors that determine the form and duration of the adaptation process: the qualitative characteristics of the diaspora (the orientation of the group, the socio-class composition of the method of settlement) and the external conditions of adaptation (the attitude of the ruling circles and authorities, various segments of the population, public opinion of the recipient country, socio-legal status).

Heterogeneity of the diaspora, which means different readiness of its components to adapt; heterogeneity of external factors (the territory of Kazakhstan differs in climatic, socio-cultural, economic conditions), nuances of the legal status of exiles -all this actualizes the study of Polish exile in individual administrative units [31].

The process of adaptation of Poles in Kazakhstan and the transformation of their identity accompanied the entire period of exile. Already in the memoirs of exiles, we find descriptions of Polish colonies or meetings with compatriots who had previously found themselves in Kazakhstan. In their person, the memoirists wanted to see those whose example and practical survival experience in Kazakh society could be relied on [32].

Kazakhstan's experience was assessed by contemporaries, as a rule, according to two components: the economic well-being of the Polish migrant and his national identification. The latter was determined by external factors-whether a compatriot spoke Polish, whether he retained the faith of his fathers, and whether he entered into a mixed marriage. Without these landmarks, Poles were identified based on the sound of surnames, clothing features, lifestyle, or «Polish type of person».

S.G. Pyatakova identified three periods of adaptation in Siberia of exiled Poles in the 60s of the XIX century.

1.1860s. -the structure of the life of Poles in Siberian exile

2.1870s-life and activity in Siberia, completion of initial socio-economic and socio-cultural adaptation

3.1880-1890s -return to the homeland after the amnesty of 1883 or continuation of life in Siberia [33].

By being under challenging conditions, Polish exiles sought to unite for mutual support. It is the first stage of adaptation and was caused by the natural need of people to be cut off from their homeland, from the familiar environment and valuable activities. Unification made it easier to adapt to the conditions of exile and not to lose their national ideals and political beliefs. In most cases, the exiles did not seek isolation from the environment into which fate had thrown them; many actively tried to engage in social and political life. At the same time, they tried to attract representatives of other peoples to their associations.

In the 20s of the XIX century, Poles exiled to Orenburg were united in a community. Having experience in conspiratorial work, they tried to include reliable people in it. One of the organizers of the fraternity was Jan Vitkevich. The main tasks of the community, or the circle of Polish exiles, are mutual support (moral, material), exchange of views on various socio-political issues, etc. At the turn of the 40s and 50s, the Orenburg circle of exiled Poles included B. Zaleski, Z. Serakovsky, B. Kolesinsky, L. Lipsky, etc. According to the testimony of F. Lazarevsky, the Orenburg circle was the center of activity of exiles in the Orenburg region. According to B. Zalesky, «in every battalion, in every fortification, there was someone who ruled over others. It was like the head of the group, the guardian of the poorest and weakest. They had secret huts not far from the barracks. Visitors could relax or read some book, and

the books the exiles had in their various homes kept up the spirit and helped expand their knowledge.» The Orsk circle of 1847-1850 can serve as an example of the association of exiles in a remote garrison.»

The political exiles of the 60s showed a fervent desire for liberation and unshakable confidence that they could achieve it. Already on the way to exile, attempts were made in some parties to start organizations and establish committees to unite exiles.

From archival materials, it can be seen that in almost all places in Siberia where Polish exiles were, during 1846-1866, committees, mutual aid funds, and libraries were created. In the mid-60s, numerous organizations of exiled Poles, divided into hundreds and dozens, covered almost the whole of Siberia and maintained contact with Moscow and St. Petersburg [34].

In the XIX century, centers of Polish culture appeared in Siberia and Kazakhstan, where Poles, exiles, and voluntary migrants were concentrated. First of all, these large family homes have become a center of cultural and psychological support, «a real haven for fellow countrymen.» Meetings in «Polish houses», the celebration of name days, national and religious holidays, living together, and farming—all these numerous examples reflected in the memoir literature allowed Polish researchers V. Slivovskaya and Ya. Trynkovsky assumes that the exiled Poles showed a particular inclination (or even need) to focus and self-organization [35].

The diaspora members faced a choice: to accept the norms and values of the new society, abandon the values that define identity, or remain marginalized by traditional views. The correspondence between the fundamental attributes of the values and norms of the individual and the host social groups can be considered an indicator of adaptation. The one who has learned to behave under the norms established by the members of the new society has adapted well. Culture is the primary mechanism by which human collectives adapt to the environment, and its most apparent manifestation is behavioral models. The most striking variant of this phenomenon is represented by the charters of mutual existence societies that existed in many Siberian and Kazakh cities.

These organizations played the role of a diaspora community. The purpose of these associations was to improve the living conditions of exiles in psychological, social, and material terms.

One of the crucial points of the charter of Polish organizations was the requirement not to have relations with dissolute women and not to marry. In Polish literature, «involuntary celibacy», the facts of restraint of love for women of other faiths were considered a positive factor, and examples of mixed marriages were justified by vital necessity, devoid of feelings and romanticism.

Maintaining the high moral character of the exiles, the Polish community tried to increase the group authority of representatives of the Polish people in Siberian and Kazakh societies.

An essential factor in the ethnocultural adaptation of Poles was religion. According to researchers, the construction of a church in a particular locality testified to the formation of a Polish colony or was the culmination of its consolidation [36].

Of all the social institutions within the Polish colonies, T.P. Mosunova believes that the Catholic community should be recognized as the first to preserve national identity. It represented a universal structure that allowed it to cover all spheres of society. Erasing social and other differences, the Catholic community included the entire diaspora, offered ready-made mechanisms of governance and self-government, and carefully preserved traditions, language, and everyday life [37].

At the turn of the century, the development of ethnic-confessional communities passes into the next stage - the stage of «tradition». Enclave villages and keepers of ethnocultural traditions appeared on the territory of Northern Kazakhstan. The well-known isolation of Polish society and the productive missionary activity of the Catholic clergy led to the fact that even before entering into a steady process of modernization, the Polish diaspora managed to find the stage of «tradition» [38].

In the process of adaptation, there is not only a transformation of the ethnic and religious components of the identity of migrants but also the emergence of a religious identity, which gradually replaces the one conditioned by the position of the migrant.

According to L.V. Kalmina, during the XIX- early XX centuries. Poles have the next stage of adaptation - «building bridges» across the gap separating the «newcomers» and the «indigenous», the convergence of the characteristics of the mentality of both to the extent that it turns out to be necessary and acceptable for them. It manifested itself in the «cautious» integration of Poles with a constant look at their national and religious worldview [39].

This adaptation stage led to the Russification of most exiles, often through mixed marriages.

The famous Russian ethnographer S.V. Maksimov considered mixed marriages the main enemy of Polish identity: «Children born of a Polish father and a Siberian mother, using the mother's language, only in facial features or character manage to retain traces of Polish origin. However, it is worth this half-breed to marry a Siberian woman so that the most biased and enthusiastic Pole will not find the slightest signs of Polish blood in his grandchildren.»

Most Poles who found themselves in Kazakhstan and Siberia quickly merged in language and ethnic identity, primarily with the Russian population, and apart from surnames, they had nothing Polish. «Russification of exiled Poles seems to be a tangible and indisputable phenomenon in Siberia,» wrote S.V. Maksimov [41].

But it is worth this half-breed to marry a Siberian woman so that the most biased and enthusiastic Pole will not find the slightest signs of Polish blood in his grandchildren.

Most Poles who found themselves in Kazakhstan and Siberia quickly merged both in language and ethnic identity, primarily with the Russian population, and apart from surnames they had nothing Polish. «Russification of exiled Poles seems to be a tangible and indisputable phenomenon in Siberia,» wrote S.V. Maksimov [41].

The process of Russification was facilitated by the fairly rapid integration of Polish migrants into the economic structure of the host society. Since most of the exiles were educated people: scientists, teachers, writers, and poets, most of them tried to join the economic niche of the region through their profession. This led to the third stage of adaptation-economic.

The exiled Poles were divided into two categories: the peasant class and the privileged. The government tried to settle representatives of the first category of the government on state-owned lands for the Poles to become engaged in agriculture. They were given a state subsidy to set up a farm for cultivating the land.

According to Polish historians Sigmund Librovich and Mikhail Yanik, Poles, with few exceptions, have not lost their national traits or civic-patriotic feeling in Siberia. At the same time, the successful socio-economic integration of migrants did not act as a guarantee of assimilation for them. On the contrary, the Polish element did not disappear into the Siberian space but found a niche for its economic realization.

In their opinion, Siberia and Kazakhstan were a «school of practical democracy» for Poles, having taught representatives of various social strata, nations, and religions to live and work together. In Kazakhstan, Poles got acquainted with representatives of the pre-medieval Kazakh intelligentsia and with Russian revolutionaries. An example of this is the friendship between Adolf Yanushkevich and Kunanbai, Severin Gross, and the great Abai. Polish exiles were imbued with a sense of support and compassion for the Kazakh people, who, like them, lived in conditions of tsarist colonial oppression.

Exiled Poles could not always engage in the pedagogical activity. At the beginning of 1855, the Ministry of Education adopted a special resolution, which stated that certificates issued in the Kingdom of Poland for the right to engage in home education are not binding in the empire. This resolution was adopted by the administration of Western Siberia and the Orenburg Region [42].

Most of the exiled Poles had a good education. Therefore, the settlers were involved in the scientific, cultural, and economic spheres of occupation. Usually, during exile, the Poles managed to try out several types of activities.

Many exiled Poles in Kazakhstan for many decades approached and cooperated with the leading representatives of the Kazakh people, sympathized with and helped the autochthonous population, which itself suffered from the colonial policy of the tsarist autocracy. This practical, vital school of very fruitful interethnic communication and cooperation could not pass without a trace, it contributed to the creation and strengthening of the traditions of the friendship of peoples, on which interethnic harmony and stability in independent Kazakhstan are now based.

Among the natives of Polish exiles were doctors who treated the Kazakh population. Among them should be mentioned Arkady Vengzhinovskiy and Gilyary Gonsovskiy, Alexander Przystanskiy, and Adam Przegodskiy. Not only teachers and doctors, but also many other exiled Poles, most often not on duty, but as a personal initiative, were engaged in the

establishment of local history museums, the organization of public libraries, and other cultural and educational institutions. Here you can name Tomas Zan, Mikhail Zelenka, and Severin Gross. All of these and many other exiled Poles have made a certain contribution to the cultural development of the Kazakh people, to the formation of the views of such outstanding sons as Shokan Ualikhanov and Abai Kunanbayev.

Perhaps the most important thing was that the exiled Poles had a beneficial effect on the public life of Kazakhstan.

Exiled Poles, who for various reasons found themselves on the distant outskirts of the then Russian Empire, sometimes occupied quite significant posts in the tsarist administration or turned out to be officials in border commissions or other bodies in charge of the Kazakh population. As an example, let's name Karol Gutkovsky, who held the position of chairman of the regional board of Siberian Kazakhs.

Polish exiles made a significant contribution to the geological, geographical, botanical, and zoological research of Kazakhstan, to the study of the ethnography and history of the Kazakh people, their poetic creativity, and music. Among them are Jan Vitkevich, who crossed the Kazakh steppes between Orenburg and Bukhara several times and left a description of his travels; Adolf Yanushkevich, who carefully studied and described the northeastern part of Kazakhstan; a group of Polish geologists led by Tomas Werner and Ludwik Turno, who searched for coal off the shores of the Aral Sea and on Mangyshlak; Adam Byalovsky, who was engaged in geological research in the Ust-Kamenogorsk area and made a serious contribution to the study of the problem of glaciation of the Altai Mountains, etc.

Among the Polish exiles were poets, writers, and artists. Some of them became famous for their works dedicated to the Kazakh people, whom they treated with great sympathy and love.

A large concentration of Poles in the XIX century in was the city of Semipalatinsk. A Polish doctor I. Domashevich worked there.

In 1883, Ts.I. Teraevich, a graduate of the medical faculty of Moscow University, being a participant in the Polish uprising of 1863-1864, came to Ust-Kamenogorsk. In Ust-Kamenogorsk, he worked as a city and county doctor, and in 1900 he held the position of doctor of the 1st district of Ust-Kamenogorsk County. When the cholera epidemic began in Ust-Kamenogorsk in 1892, Ts.I. Teraevich took an active part in the fight against it [43].

There is information about the activities of Adam Belovezhsky and Yevgeny Michaelis among Polish exiles in Ust-Kamenogorsk. They completed a geological map of the city, then A. Belovezhsky dealt with the problems of glaciation of the Altai Mountains, and his discoveries are still recognized by scientists around the world. Research in the Semipalatinsk area was conducted by Joseph Shishkovsky and Edward Ostrovsky [44].

Adolf Yanushkevich collected Kazakh folklore for 18 years and then published the material in Paris. A. Yanushkevich, as you know, met Kunanbai more than once, and he could likely have known his brilliant son, Abai.

Tomash Zan was nothing but a «stone seeker» for the Kazakhs. Having come here to

Kazakhstan, after a high-profile trial of members of a patriotic student society, he engaged in geological research.

Adam Suzip studied the customs of the residents. Before returning to his homeland, he wrote the poem «Rider», thereby inspiring another exile-Gustav Zelinsky -to create the poems «Kirghiz» and «Steppe».

«The life of the Kyrgyz (Kazakh) steppes» is the name of his album of etchings made during the expedition to Mangyshlak by Bronislav Zalesky, who wrote a lot about Kazakhstan. A member of a secret political society, he was sentenced to soldiering on Mangyshlak, and in 1865, after serving his exile, Zalesky published this unique publication in Paris, provided with his detailed commentary.

S. Gross was exiled to Semipalatinsk in 1883. Here he owned a large library, the books of which he allowed everyone interested to use. He was one of the organizers of the construction of the Local history museum of Semipalatinsk in 1883.

While in exile, S. Gross became closely acquainted with Abai Kunanbayev, a Kazakh poet and educator. There in the steppe, the great akyn informed the exiled Pole about the legal traditions of the Kazakhs.

The exiled Jan Vitort, who lived in Semipalatinsk in the, also wrote about his meeting with A. Kunanbayev. He was also interested in the laws of the Kazakhs, which he wrote about in an article «From the steppes of Central Asia» published in the Lviv magazine «People».

The poet Gustav Zelinsky wrote a wonderful poem «Kazakh», translated from Polish into many foreign languages, and the artist Bronislav Zaleski, an album with Kazakh sketches which was published in Paris and was widely distributed not only in France but also in other countries. Exiled Poles took an honorable place among those who opened the Kazakh people to Western Europe and the whole world a hundred and fifty years ago.

Pole Alexander Zatayevich (1868-1936), People's Artist of the Kazakh SSR, collected 2500 folklore works of the Kazakh people and is one of the founders of Kazakh piano music.

The skills of crafts allowed the first Polish settlers to quickly join the economic life of the region and provide themselves with everything necessary.

The most common activity of exiles was mastery: 25% of Poles were engaged in it. 19.5% of exiles earned their bread by service, 16.4% by writing, and 15.7% by agricultural work. The labor of 7.5% of exiles was used in «free», «miscellaneous», «day labor», «simple» and «black» jobs. These jobs did not require high qualifications and, as a rule, were poorly paid [45].

Poles opened handicraft workshops: shoemaking, locksmithing, and sewing. They built hotels, restaurants, shops, and retail shops. They founded small enterprises: breweries, soap factories, and creameries. They worked as teachers and doctors. The exiled Poles were people of different ages and different professions: poets, artists, doctors, architects, lawyers, and many others. Some of them served their sentences in hard labor, after which they surrendered for military service and were distributed to different linear Siberian battalions, others were expelled to the Semipalatinsk region for settlement. Sometimes Poles were

sent to the Semipalatinsk region from neighboring Siberian provinces, where they served their sentences in whole batches. So, in 1864, a party of political criminals of Polish origin consisting of 26 people was sent from the city of Barnaul to the city of Ust-Kamenogorsk under the supervision of the police [46].

Some of the Polish immigrants were able to settle in the village, adapting to a new way of life and way of farming. Some Poles seriously took up the arrangement, marrying Orthodox peasant women and achieving considerable prosperity.

Adam Valichek came from the gentry of the Kyiv province. For his participation in the uprising of 1831, he was exiled to Siberia as a soldier. After completing his service, he settled in the city of Ust-Kamenogorsk and married the daughter of a retired private Matryona Sitnikova, from whom his son Vasily was born. By profession, Valichek was a tailor. He knew Polish and Russian letters. He died in Ust-Kamenogorsk in 1890 [47].

Anton Voitsekhov Yaskovyak was sent to military service for his participation in the uprising of 1831, from which he resigned in 1848. After the end of the service, he remained permanently in Ust-Kamenogorsk, converted to Orthodoxy, and married a Cossack daughter, Fekla Zlobina, by whom he had a son, Nazar, and a daughter, Anna. He was a stonemason and an excellent stove maker, also engaged in fishing [48].

Vikenty Semyonovich Artsishevsky was exiled to Siberia in 1863 and assigned to military service with the deprivation of the right of nobility. Since 1869, being under the supervision of the police, he lived in the city of Ust-Kamenogorsk. He married a soldier's widow, Alexandra Konstantinovna Muchkina, with whom he had three children. After the removal of police supervision from him, in 1870 he became a clerk and gave private writing lessons. From 1875 he worked as an accountant in the city council until his death. In his spare time, he is engaged in beekeeping [49].

Adolf Vikentievich Zemlevsky came from the nobility of the Vilna province. In 1864, he was exiled to Ust-Kamenogorsk, where he married a philistine widow, Fedosya Filatova, with whom he had a son, Semyon. He was engaged in farming and beekeeping.

S. Yavorovsky was exiled to Ust-Kamenogorsk in the 70s of the XIX century. In 1881, he married a philistine, Kodintseva Evdokia Osipovna. Stanislav Yavorovsky was engaged in trade and beekeeping in Ust-Kamenogorsk and was also one of the founders of the Ust-Kamenogorsk Brewery [50].

The second stage of the resettlement of Poles to the territory of Kazakhstan dates back to the late XIX-early XX centuries and is associated with the resettlement policy of tsarism. According to the first general population census conducted by the tsarist Russian authorities in 1897, 11,597 Poles already lived in Central Asia. Poles settled mainly in cities (about 90%). It is also known that the economic emigration of landless Polish peasantry from the territory of the Kingdom of Poland controlled by the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries was directed to Siberia and Kazakhstan, although the colonization flow was dominated by Russians and Ukrainians. But a few Polish peasants from the Kielce and Lublin provinces in 1906-1910 moved deep into the Russian Empire: Orenburg province,

Omsk province, Ishim Region, and Western Siberia in general. The Stolypin reform played a significant role in this [51].

During this stage, Polish displaced peasants underwent economic, social, and cultural adaptation in the new region. Household adaptation provided for the emergence of settlements based on ethnicity and the construction of dwellings adapted to the natural and climatic conditions of Kazakhstan. The harsh climatic conditions of Kazakhstan have become a test for the migrants. The lack of timber in the counties created additional difficulties. The displaced peasants could not deliver timber for 10-20 versts, because they did not have horses. «They could not buy horses because the allowance was «released to them «in a limited amount and in parts» [52].

The Russian population established in the studied region in the construction of winter dwellings first adapted to the local natural conditions and proceeded from the availability of local, building material. Therefore, in the steppe treeless areas of the region, wild stone and turf were used as building materials, as with the Kazakhs.

Economic adaptation provided for the adaptation of farming to local climatic conditions and the gradual dominance of cattle breeding, which for centuries has been the guarantor of the survival of the local Kazakh population.

The largest influx of forced migrants to Northern Kazakhstan occurred in the second third of the XX century and it was associated with the forcible deportation of Poles by the Soviet government.

The pre-war years opened the «black pages» of history for many peoples of the USSR. Stalin's repressive policy, gaining momentum, increased the scale of deportations of peoples, turning the republic into a testing ground for punishing these peoples.

The reasons and historical conditions for the resettlement of Poles to Kazakhstan from 1936 to 1956 were connected both with the internal policy of the USSR and with global events in world history: the repressions of the mid-30s in the Soviet state and the outbreak of World War II. In total, 118 to 123 thousand Poles were arrested in the USSR during this period. This category had the status of «special settlers» and was under the strict control of the NKVD. The Soviet authorities resettled Poles in many areas of the country, where in difficult conditions they were forced to work on collective farms, mines, and factories.

The legal basis for the illegal action of evicting an entire ethnic group of Poles was the Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 776-120 ss. dated April 28, 1936 «On the resettlement of persons of Polish nationality from the Ukrainian SSR» [53].

In 1936, about one hundred thousand Poles were arrested from the regions bordering Poland in Ukraine and transported to Kazakhstan under the control of the NKVD.

The first wave of Poles arrived in 1936, then in 1937-1938 and 1944. According to the recommendation of the land survey commission, it was decided to organize 13 points (settlements) near the farms of Zharkul, Alabota, Kara-Koga, Saule, Kara-Agash, etc. for the resettlement of deported Poles [54].

In 1936, 14048 farms of immigrants, consisting of 63976 people, were deported from Ukraine to the northern and central regions of Kazakhstan. The imported migrants were settled in the North Kazakhstan region -12008 farms, including 9150 farms in new settlements and 2858 farms in collective farms. 2,040 farms were settled in the Karaganda region, including 1,769 farms in new settlements and 271 in collective farms. 37 settlements were organized on the allocated funds, of which: 31 in the territory of the North Kazakhstan region and 6 in the Karaganda region [55].

In the new place, the life of Poles largely depended on their legal status and local executive bodies that provided for their material and household needs [56].

In 1936, Poles expelled from the Ukrainian SSR arrived in Kazakhstan in two stages. The settlers of the first stage were supposed to be temporarily settled in clubs, schools, and barracks and involved in the construction of housing for the settlers of the second stage.

Two contingents were sent to Kazakhstan - special settlers-osadniks and administrative exiles. According to Kazakh scientists, 1206 families were deported to Kazakhstan in 1940, and 5394 people of the contingent were special settlers-osadniks [57].

All arriving special settlers were required to register with the district commandant's office of the NKVD. Along with this, a commandant was appointed to carry out administrative supervision in each village, at which all the adult population of the village had to be registered daily at certain hours.

Identity documents were withdrawn from all arrivals. According to the rules of the internal regulations of the settlement, it was strictly forbidden to leave the village without the sanction of the commandant, up to criminal prosecution. In exceptional cases, immigrants were issued certificates that replaced their identity cards.

One of the first problems of special settlers from the Ukrainian SSR was their food supply. Once in Kazakhstan in the autumn, the migrants were forced to wait for the new agricultural season, having neither money nor even food for the near future.

The lack of housing, the first autumn frosts, and a catastrophic shortage of food resulted in the death of many exiled Poles. As of January 1, 1938, the number of Polish immigrants in the resettlement areas of the North Kazakhstan region amounted to 26,834 people.

According to the resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated April 10, 1940, No. 497-178, 60667 Poles were evicted from the western regions of Ukraine and Belarus to Kazakhstan. They were settled in Aktobe, Akmola, Kostanay, Pavlodar, North Kazakhstan, and Semipalatinsk regions: 36729 people - in collective farms, 17923 - in state farms, and 8000 -in workers' settlements of various industrial enterprises. The central leadership of the country did not bother to solve the problems of the displaced, leaving them to survive in deserted, poorly adapted places. The economic and socio-cultural problems of the deported peoples remained acute in subsequent years, as the economic opportunities of local authorities assisting special settlers were limited, and the totalitarian regime persisted. Only the help, courage, and human compassion of the majority of residents of Kazakhstan

helped the special settlers to survive in difficult years [58].

The arrival of large groups of migrants increased the already heavy burden on medical institutions and caused a shortage of medicines. Emergency measures to combat diseases taken by medical institutions, such as vaccinations, sanitation, and disinfection, could only extinguish the bad epidemic situation in individual foci. The main reason for the ineffectiveness of the fight against diseases was not only the gaps in the work of the medical service but also the preservation of conditions for the spread of these diseases.

As in the XIX century, as the first form of adaptation, deported Poles attempted to establish a life together in a new place. They tried to settle compactly to survive together.

At the end of 1944, according to GASCO materials, there were more than 100 settlements in the North Kazakhstan region where Poles-special settlers lived. After the end of the war, the situation of the special settlers remained the same, with the only difference being that since 1946, embroidered labor soldiers began to return to their families [59].

The second stage of adaptation was the establishment of relations with the local population of Kazakhstan. It should be noted that in many cases, the life of Poles who arrived in Kazakhstan depended on the locals who received them. With their high level of culture, literacy, respect, and hard work, they managed to establish bridges with the indigenous population. Despite the cruel attitude of the authorities, ordinary Kazakhs treated the exiled Poles with compassion, warmth, and care, and shared the latter with them. Thus, the deputy head of the agricultural department of the Central Committee of the CPSU (b) Itskov anxiously informed the secretary of the Central Committee Andreyev that in one of the collective farms of the Kostanay region «the exiles were given such a cordial welcome that they were given a daily milk yield from the farm so that even the children of collective farmers in the playground were left without milk» [60].

Good relations with the local population, hard work and endurance, and as a result, economic adaptation, helped most of the deportees to escape from starvation. Kazakh children ran to the little Poles, handing them their mugs with milk [61].

They lived hard, hollowed out beets from the ground and ate them, reeds were reaped in cold water. Women gave birth right in the field, so infant mortality was very high [62].

One of the forms of economic adaptation was the construction of dwellings made of local materials, and adaptation to harsh living conditions. Houses for migrants were built in a hurry from adobe, which did not differ in quality and heat resistance. Dugouts were also built. Due to the lack of housing stock, the remaining homeless part of settlers were moved into houses with local collective farmers, which led to new problems. No special premises were built to accommodate special settlers. Therefore, regional and district organizations were entrusted with the task of placing them on the existing premises of collective farms and state farms.

Most of them were placed in non-residential premises (slaughterhouses, sheds, baths, etc.) without windows, doors, and even stoves. So, on the central estate of the Kostanay grain farm of the Karabalyk district, 120 people of the expelled Poles were placed in a

bathhouse and other non-residential premises that are not adapted for housing. Due to the large crowding, epidemic diseases took place, from which 7 people died. 700 displaced persons worked at Mikainzoloto, some of them were not provided with apartments at all.

In the state farm «Proletarian» of the Klyuchevsky district, on the farm «Takmysai» 12 families were housed in a barn and 8 families -in unfinished rooms, in which there were absolutely no doors, ceilings, and stoves. In the Vishnyakov state farm, an old cattle base was adapted for housing as apartments for special settlers, in which partitions were made. 5-10 families were placed in the rooms, and the stoves intended for cooking food for special settlers have one burner each, as a result of which queues were created at the stove. In addition, the stove had to be heated for days, while the settlers had no fuel reserves. In the state farm named after. Lenin Novoshulbinsky district in a small one-story house housed 23 families: 5 families lived in one room with a size of 16 sq.m., 11 families lived in another room with a size of 25 sq. m. Due to such a dense placement in the beds of special settlers, a large number of different insects bred: bedbugs, fleas, etc. Being in unsanitary conditions, the settlers often got sick, medical care was not provided to them [63].

Despite all the difficult conditions, the deported Poles successfully underwent economic adaptation. They established and developed relations of goodwill and respect with the Kazakh population, and with people of other nationalities, such as Germans, Koreans, Russians, Ukrainians, Belarusians, etc. Poles raised the culture of agriculture to a high level in their places of residence: in the grain, livestock, and vegetable sector. Almost all collective farms inhabited by Poles soon became millionaires. They have proven themselves to be reliable workers in industry and transport.

The special settlers also had many problems in organizing school education for their children. There were not enough schools, textbooks, and teachers. Solving these problems was difficult since the republic itself was completing the process of eliminating illiteracy and still had a weak educational system. Ensuring the teaching of school subjects in the national languages of the settlers was a matter of little prospect. Soviet education accelerated the process of losing the language and culture of Poles and Germans. Along with this process, a mechanism was launched to form a new Soviet people with an exaggerated ideology of internationalism, which then resulted in the Russification of all ethnic groups.

But despite all these obstacles, the socio-cultural adaptation of Poles was also successful. They even managed to solve the problems of organizing preschool and school education for their children.

Poles built a small school on their own in the Pervomaisky settlement of the Astrakhan district of the Akmola region. Due to the lack of fuel in winter, the school was always cold. There were no notebooks, the children wrote on the pages of old books, with beet juice instead of ink [64].

Below are the minutes of the decision of the Balkhash City Executive Committee and the Kyzyl-Orda regional executive Committee on the opening of a school and kindergarten for Polish children.

The decision of the Balkhash City Executive Committee «On the opening of a Polish school in Balkhash»

(Balkhash city) August 7, 1944

The Executive Committee decided: Satisfy the petition of Polish citizens living on the territory of Balkhash to open a Polish school in Balkhash and oblige the head of the city to begin preparations for the organization of a Polish school so it will begin its work on September 1 this year.

Chairman of the Executive Committee

Balkhash city

Council of Workers ' Deputies

Piribin

Secretary

Balkhash city

Council of Workers ' Deputies

Kolmakov [65].

The decision of the Kzyl-Orda Regional Executive Committee

«On the opening of a kindergarten for Polish children»

in Kzyl-Orda on September 6, 1944

Under the resolution of the SNK of the Kazakh SSR No. 160 dated March 29, 1944 «On expanding the network and improving the work of kindergartens», the executive committee of the Regional Council of Workers' Deputies decided:

1. To open in the city of Kyzyl-Orda no later than October 12, 1944, 1 kindergarten for Polish children with a contingent of 60 people.

2. Oblige the chairman of the Executive Committee of the Kyzyl-Orda City Council of Workers' Deputies T. Khodakova to prepare an appropriate room for a kindergarten and provide the necessary household equipment and utensils.

3. Oblige the head of the city department of Public Education T. Nigai no later than September 6 of the current year to staff the kindergarten with a head and tutors.

4. Oblige the head of the regional financial department T. Kusainova to finance the kindergarten at the expense of budget allocations, according to the estimates.

5. Oblige the head. The Regional Trade Department of T. Zhaymagambetov included a kindergarten for Polish children with a contingent of 60 people in the supply plan and provided food from October 12, 1944. [66].

Many Poles have become figures of science and culture and have made a huge contribution to the development of Kazakhstan.

At the end of the 50s, large-scale migration of rural residents to cities began in Kazakhstan, including outside the republic, among which there were also citizens of Polish nationality. Leaving the village, many Poles were forced to change their nationality, which

allowed them to get rid of the shameful stigma of «enemy of the people» and «traitor to the motherland» that persecuted them. Special supervision of them was abolished in 1956. At the same time, they were not rehabilitated and continued to be under the supervision of administrative authorities. Even though they were considered full-fledged Soviet citizens, until 1989 the overwhelming majority of Poles did not have passports. In some regions, passports were provided to them only in the 70s. Thus, initially, many Poles were registered as Ukrainians or Russians, to save their lives, as they became victims of repression because of their nationality. Later, they did it voluntarily or at the direction of officials, according to the place of birth to increase their social status. Voluntary Russification was another form of adaptation.

Thanks to the successful adaptation, the number of the Polish population in the era of the «Khrushchev thaw» and «Brezhnev stagnation», according to the 1970 census, increased to 61445 people. This was a significant increase, especially since the second wave of repatriation of Polish citizens was taking place at that time. During these years, numerous groups of Poles from Belarus turned out to be in Kazakhstan voluntarily. According to the population censuses of 1979 and 1989, the increase in the number of Poles in Kazakhstan is no longer observed, and the trend of a constant decline in the Polish population is developing: 1979 - 61106 people, 1989 – 59321 people. The absolute number of Poles and their share in the ethnic structure of the Republic of Kazakhstan is decreasing. So, if in 1999 there were 47,302 Poles, then, according to the 2009 population census, 34057 Poles lived here in the Republic of Kazakhstan. In the ethnic structure of Kazakhstan, this ethnic group is 0.2%. The Polish population according to the results of the last census is about 50 thousand people. The majority live in villages and cities of northern Kazakhstan [67].

During the period of «Perestroika» in the USSR (1985-1991) and in the first years of independence of the Republic, many Poles returned to their historical homeland. Those who remained in independent Kazakhstan had the opportunity to study their native language and Polish history, turn to their Roman Catholic faith, and revive national traditions and customs. Over the past 12-15 years, dozens of churches have been built in cities and villages of the country, where Sunday schools work, giving children meaningful knowledge of faith, culture, and kindness. According to a special agreement between the Ministries of Education of Kazakhstan and Poland, 16 secondary schools in cities and villages of the republic have classes where teachers from Poland teach, and 22 Sunday schools for children and adults [68].

The Union of Poles of Kazakhstan represents the interests of the Polish population in the Assembly of Peoples of Kazakhstan and other government institutions of the country. In regions and cities, Polish national associations are part of city assemblies and regional assemblies (so-called small assemblies). They are the initiators and organizers of all educational and cultural events.

The Polish folk ensemble «Stepove Kvyaty» from the city of Kokshetau, headed by T. Balakhovich, the children's dance ensemble at the Polish cultural center in Almaty, the

Shchuchinsky song and dance ensemble «Skovronki» (headed by V. Verzhbitsky) and others are known for their high artistic level throughout Kazakhstan and Poland. Almaty poet Inessa Dombrovskaya was awarded a personal award by Pope John Paul II for a cycle of poems dedicated to Poland and Kazakhstan during his visit to Astana in 2002.

Poland provides great assistance in the national revival of the Poles of Kazakhstan: scientific, educational, artistic, historical, and religious literature, videotapes, CDs, and computer programs are supplied to the Union of Poles of Kazakhstan.

Every year, up to 90-100 students from Kazakh Poles are accepted for free education in Polish universities, including 20% of Kazakhs, Russians, Koreans, Ukrainians, and other nationalities. Two universities in the country - Kokshetau University and Almaty University of Foreign Languages - have opened departments in the specialty «Polish language and literature». Classrooms in these universities are equipped with computers and other equipment.

In general, when studying the history of the formation and development of Polish groups in Kazakhstan in the XX century, and the peculiarities of its cultural and social development, it is necessary to take into account the basic layer of mentality that developed in the historical conditions of the former places of residence, as well as ideological traits acquired in Soviet conditions. The Polish Diaspora of Kazakhstan in the process of its development and formation in the twentieth century has become a stable component of the demographic, socio-economic, political, and cultural life of the republic, showing an example of the successful adaptation of an ethnic group in a foreign cultural environment. The practical application of this experience by the Government will undoubtedly become the basis for practical application in the field of creating an atmosphere of interethnic harmony.

References

1. Remnev A.V. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri Sankt-Peterburg izd. Aleteyya 2018, S.13 sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009 g.s.72.
2. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Wroclaw, 1993, 360 S.
3. Janik M. Dzieje polakow na Syberii. Warszawa-Wroclaw,1991, 404 S.
4. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' ssyl'nykh polyakov v dorevolutsionnom Kazakhstane. Alma-Ata, 1971, s.7
5. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' ssyl'nykh polyakov v dorevolutsionnom Kazakhstane, Alma-Ata, 1971, 252 s.
6. Sliwowska W. Uciezki z Syberu. Warszawa. 2005
7. Kaczynska E. Wstep// Zeslanie I katorga na Syberii w dziejach Polakow 1815-1914. Warszawa, 1992. S. 5-166.
8. Pyatakova S.G. Pol'skaya politicheskaya ssylka v Zapadnuyu Sibir' v poreformenny period. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Surgut. 2004. S.4
9. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863

goda v Zapadnoy Sibiri, pod redaktsiyey doktora istoricheskikh nauk, professora A.V.Remneva Sankt-Peterburg, Aletyya, 2012

10. Tumanik E.N. Adaptatsiya v Zapadnoy Sibiri ssyl'nykh polyakov (pervaya tret' XIX v.)// Adaptatsionnyye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh. Novosibirsk, 2006. S.67

11. Ostrovskiy L.K. Pol'skiye krest'yane v Sibiri 1890-ye-1930-ye gg. // Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost': aktual'nyye voprosy. Irkutsk. 2001 g.

12. Fil' S.G. Polyaki v ishimskoy ssylke: pervaya polovina XIX veka//Korkina sloboda. Krayevedcheskiy al'manakh. Ishim, 2002. S.10

13. Mosunova T.P. Katolicheskaya obshchina kak konserviruyushchiy element etnicheskogo samosoznaniya pol'skikh diaspor Sibiri//Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya. CH.2.Omsk 2010. S.417

14. Galetkina N. Ot migranta k sibiryaku. Transformatsiya gruppovoy identichnosti pri pereselenii//Diaspory. 2002. № 2. S.62

15. Shostakovich B.S. Polyaki Sibiri v 1870-1890-ye gg.(iz istorii russko-pol'skikh otnosheniy v XIX veke). Avtoreferat dis. na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk. Irkutsk, 1974.-S.

16. Krikh A.A. Ssyl'nyye polyaki v Sibiri: strategii vyzhivaniya. Krakov, 2006.- S.144-163

17. Remnev A.V. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri Sankt-Peterburg izd. Aletyya 2018.- S.19

18. Iz istorii polyakov v Kazakhstane (1936-1956gg.). Sbornik dokumentov: Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan // Otv. redaktor L.D. Degitayeva. – Almaty: «Izdatel'skiy dom «Kazakhstan», 2000. – 344 s.

19. Mikhaylova L.A. V stepi dalekoy. Polyaki v Kazakhstane. Almaty, 2006. –S.

20. Volkov A.V. Polyaki Kazakhstana - Almaty, 2007.-S. 57

21. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' ssyl'nykh polyakov v dorevolyutsionnom Kazakhstane / AN KazSSR. - Alma-Ata : Nauka, 1971. - S.6

22. Polyaki vostochnogo Kazakhstana: proshloye i sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009.-S.26

23. TSGA Kaz SSR, f.416.op.1, d.10, l. 436.

24. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Ukaz.soch. s. 21.

25. TSGA Kaz SSR, f.416.op.1, d.10, l.386.

26. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Ukaz.soch. S. 12.

27. Remnev A.V. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri Sankt-Peterburg izd. Aletyya 2018, s.22.

28. Popkov V.D. Nekotoryye osnovaniya dlya tipologii diaspor// II Vserossiyskiy sotsiologicheskiy kongress (Moskva, 30 sentyabrya-2 oktyabrya 2003 g. Elektronnaya biblioteka Sotsiologicheskogo fakul'teta MGU im. M.V.Lomonosova <http://lib.socio.msu.ru>.

29. Tsifrovanova I.V. Pol'skiye pereselentsy na Severnom Kavkaze v XIX veke: osobennosti protsessa adaptatsii. Stavropol'. 2007. -S.111-112

30. Toshchenko Zh.T., Chapytkova T.I. Diaspora kak ob»yekt sotsiologicheskogo issledovaniya//Sotsis.1996.№ 12.-s.37

31. Remnev A.V. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri Sankt-Peterburg izd. Aletyya 2018. - S.13.c

32. Tumanik Ye.N. Adaptatsiya v Zapadnoy Sibiri ssyl'nykh polyakov (pervaya tret' XIX veka)//Adaptatsionnyye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i trasformiruyushchikhsya obshchestvakh. Novosibirsk, 2018.- S.67.
33. Pyatakova S.G. Pol'skaya politicheskaya ssylka v Zapadnuyu Sibir' v poreformenny period. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Surgut. 2004. -S.4
34. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Ukaz.soch. S. 21-22.
35. Remnev A.V. Ukaz.soch. s.23.
36. Ostrovskiy L.K. Pol'skiye krest'yane v Sibiri 1890-ye -1930 gg.)// Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost' aktual'nyye istorii. Irkutsk.2017.-S.25.
37. Mosunova T.P. Katolicheskaya obshchina kak konserviruyushchiy element etnicheskogo samosoznaniya pol'skikh diaspor Sibiri//Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya. CH.2 Omsk, 2010. -S. 417.
38. Kal'mina L.V. Zabaykal'skiye diaspory v XIX-XX v.: «svoi sredi chuzhikh» ili «chuzhiye sredi svoikh»?// Yevropeyskiye obshchiny v rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX-nachale XX v. Barnaul, 2020. -S.5-20.
39. Ib. s. 5-20
40. Maksimov S.V. Sibir' i katorga. CH.III.SPb.,1990. -S.337.
41. Ib. C.337.
42. TSGA KazSSR, f.345.op.1, d.100, l.1.
43. Polyaki vostochnogo Kazakhstana: proshloye i sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009 g.-S.69
44. Ib. c.72.
45. Remnev A.V. Ukaz soch. S.148.
46. Polyaki vostochnogo Kazakhstana: proshloye i sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009 g.-S.64.
47. Ib. c.66.
48. Ib. c.67
49. Ib. c.67
50. Ib. c.68
51. Volkov A.V. Polyaki Kazakhstana- Almaty, 2007.-S. 59.
52. TSGA Kaz SSR, f.369, op.1, d. 4614, ll. 3-8, 31.- 52-86.
53. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov.-Bishkek: 2013., -S. 18.
54. Oblastnoy pol'skiy tsentr «Kopernik» Izdatel'stvo «Severnyy Kazakhstan», 2017 g. -S.10.
55. Polyaki na ulicah Karkaraly. Zapiski kraevedy o lyudyah pol'skoj nacional'nosti, zanesennyh sud'boj v Central'nyj Kazahstan [Tekst]: nauchnoe izdanie / YU. Popov. - Karaganda : Izd-vo «G», 2020. - S. 179
56. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov.-Bishkek: 2013.,- S. 19.
57. Ib. c.104
58. Ib. c.178
59. Oblastnoy pol'skiy tsentr «Kopernik» Izdatel'stvo «Severnyy Kazakhstan», 2017 .,- S.12.
60. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey

raznykh avtorov.-Bishkek: 2013., -S. 50.

61. Ib. c.55

62. Ib. c.56

63. Iz istorii deportatsiy Kazakhstan 1939-1945 gg. Sbornik dokumentov Tom 3, Almaty 2019.,S.128

64. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov. -Bishkek: 2013., S. 97.

65. GA of Balkhash. F.3. Op.1. D.40. L.174. Signature. People deported to Kazakhstan-Almaty. Arys. -Kazakhstan, 1998.-P.170.

66. GA of the city of Kyzyl Orda. F.4. Op.1. D.40. L.174. Script. Peoples deported to Kazakhstan - Almaty. Arys. -Kazakhstan, 1998.-S.171.

67. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov. -Bishkek: 2013., -S. 13.

68. Polyaki vostochnogo Kazakhstana: proshloye i sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009 g.s.72.

Шаһарман Гүлжиһан Пішенбайқызы

ф.ғ.к., қауымдастырылған профессор Абай атындағы ҚазҰПУ. Алматы қ.
e-mail: Shaharman-gp@mail.ru

Оспанова Баянды Рамазановна

ф.ғ.к., Абай атындағы ҚазҰПУ. Алматы қ.
e-mail: baiand_80@mail.ru

МЕМЛЕКЕТТІК ТІЛ-ҰЛТАРАЛЫҚ ТҰРАҚТЫЛЫҚТЫҢ КЕПІЛІ

Аңдатпа. Осы мақалада Қазақстанның жалпыұлттық азаматтық қоғамын біріктіруші фактор ретіндегі мемлекеттік тілі - қазақ тілін дамытудың маңыздылығы қарастырылған. Осы бағыттағы өзекті мәселелердің бірі ретінде жалпы қазақстандық жастарды тәрбиелеу барысындағы ұлттық құндылықтар мен азаматтық құндылықтардағы ерекшеліктер жан-жақты талданады.

Мемлекет құраушы ұлт өкілдері - қазақ жастарымен бірге, Қазақстанның болашағы үшін кез келген ішкі, сыртқы кедергілерге төтеп беретін, кездескен тығырықтан шыға алатындай, қазақ елін мекендейтін этностық топ өкілдерінің жастары да бір кісідей жұмыла әрекет ету қажеттігінің себептері мен маңызы талданған. Сонымен қатар университет жастарымен жүргізіліп жатқан студенттік «Бірлік» Ассамблеясының тәжірибесі туралы мәліметтер қамтылып, ұсынылған.

Түйін сөздер: ұлттық құндылық, мемлекеттік тіл, ұрпақ, болашақ, бірлік, өркениет, толеранттылық, қоғам, даму.

Abstract. This article examines the importance of the development of the state language - Kazakh as a unifying factor of the national civil society of Kazakhstan. As one of the urgent problems in this direction, national values and features of civic values in the course of educating Kazakhstan's youth in general are comprehensively analyzed.

The reasons and significance of the need for individual interaction of representatives of the state-forming nationality - Kazakh youth and representatives of

ethnic groups inhabiting the Kazakh country, together withstanding any internal, external obstacles to the future of Kazakhstan, overcoming the collision are analyzed. Information about the experience of the student assembly «Birlik», held by the youth of the university, is also presented.

Key words: national value, state language, generation, future, unity, civilization, tolerance, society, development.

Аннотация. В данной статье рассматривается важность развития государственного языка - казахского как объединяющего фактора общенационального гражданского общества Казахстана. В качестве одной из актуальных проблем в данном направлении всесторонне анализируются национальные ценности и особенности гражданских ценностей в ходе воспитания казахстанской молодежи в целом.

Проанализированы причины и значение необходимости единоличного взаимодействия представителей государствообразующей национальности - казахской молодежи и представителей этнических групп, населяющих казахскую страну, вместе выдерживающей любые внутренние, внешние препятствия для будущего Казахстана, преодолевающей столкновение. Также представлены сведения об опыте студенческой ассамблеи «Бірлік», проводимой молодежью университета.

Ключевые слова: национальная ценность, государственный язык, поколение, будущее, единство, цивилизация, толерантность, общество, развитие.

Ассамблеяның негізгі міндеті этносаралық қатынастар саласында мемлекеттік органдармен және азаматтық қоғам институттарымен тиімді өзара іс-қимылды қамтамасыз ету екені белгілі. «Ұлттың сақталуына да, жоғалуына да себеп болатын нәрсенің ең қуаттысы – тілі. Сөзі жоғалған жұрттың өзі де жоғалады» дейді ұлт ұстазы Ахмет Байтұрсынұлы. 1995 жылдың 1 наурызында Қазақстан халқы Ассамблеясы консультативтік кеңесші орган ретінде құрылды. Уақыт өте келе оның құқықтық мәртебесі кеңейіп, «Қазақстан халқы Ассамблеясы туралы» Заң қабылданып, ұйымдық жағынан күшейді. Шынында да, бүгінде Ассамблея Қазақстан халқының ортақ мінберіне айналып, әлеуметтік мәні зор мәселелер кеңінен талқыланатын алаңға айналды.

Этносаралық қатынастар саласындағы мемлекет қызметінің маңызды бағыты теңгерімді тіл саясатын жүргізу болып табылады. Сонымен қатар біздің мемлекетімізде 130-дан астам ұлт өкілдері өмір сүретіндігі белгілі мемлекет тарапынан осы ұлт өкілдерінің тілі, мәдениеті, өнері ұлттық құндылықтары жойылып кетпеуі үшін көптеген іс-шаралар жасалған. Атап айтқанда, достық үйлері, этномәдени орталықтар, кешкі мектептер, тіл орталықтары т.б.

Бірақ осы ұлт өкілдерінің негізгі өзегі ұлт құраушы оның дамуы мен қалыптасуында шешуші тарихи рөл атқарушы – қазақ ұлты. Сол үшін де қазақ тілінің қолдану аясын кеңейтудің кешенді шаралары қолға алынып, Қазақстан халқының негізі қазақ мәдениетін өркендету ісі шешімін табуы тиіс. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев бұл мәселеге аса үлкен мән беруде. Қазақстан халқына арналған Жолдауында: «Ата Заң бойынша Қазақстанда бір ғана мемлекеттік тіл бар. Бұл – қазақ тілі», – деді [1]. Сондай-ақ Президент қазақ тілінің мемлекеттік тіл ретіндегі рөлі күшейіп, ұлтаралық қатынас тіліне айналатын кезеңі келгеніне назар аудара отырып, мұндай дәрежеге жету үшін үкіметтік емес ұйымдардың да беделін арттыру қажет екенін атап өтті.

Бұл орайда Елбасының «Болашаққа бағдар: Рухани жаңғыру» бағдарламасында латын графикасына негізделген қазақ әліпбиіне 2025 жылға дейін кезең-кезеңімен көшу міндеті белгіленгені мәлім. Аталған міндетті орындау елімізде тіл реформасын жүзеге асыруға мүмкіндіктер береді.

Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев Ұлттық қоғамдық сенім кеңесінің отырысында: «Бізге қазақ тілін реформалау қажет, егер қаласаңыз, тілімізді жаңғырту керек» деген еді. Жаңа әліпбиге көшу, тіл реформасын жүзеге асыру – еліміздің ішкі саясаты саласындағы аса маңызды тың жоба. Үкімет осы бағыттағы ұйымдастырушылық жұмысты зор жауапкершілікпен атқаруы тиіс. Басқаша айтқанда, қазақ тілі өзінің табиғи, тұмса қалыбына қайта оралуы үшін осындай реформа жасауымыз керек.

Н.Назарбаевтың да бірқатар жаңашыл бастамалары да тіл саясатында, соның ішінде мемлекеттік тіліміздің қоғамдық өмірімізде кең көлемде жүзеге асуына зор серпіліс туғызып келді. 2006 жыл 11-17 мамырда «Ана тілі» газетінде жарияланған «Қазақстанның болашағы – қазақ тілінде» [2] деген сұхбатында мемлекеттік тіл туралы маңызды мәселелер көтерілген.

Қалай дегенмен тіліміздің жай-күйі мемлекеттік тілге қатысты заңдар мен заңнамаларға да байланысты. Себебі, тіліміздің қоғамдық өмірден өз орнын алуы үшін алдымен оның нормативтік құқықтық жақтан толық қамтамасыз етілуі – басты мәселелердің бірі. «Ата Заңымыз» бен Қазақстан Республикасының «Тіл туралы Заңына» сәйкес мемлекеттік тіліміздің мемлекеттік және қоғамдық үдерістердегі алатын орны мен рөлін нақты белгіленген. Бүгінгі таңдағы атқарылып жатқан жұмыстар мемлекеттік тілге қатысты қабылданған қаулылар негізінде жүргізіліп келеді. Дегенмен, мемлекеттік тілдің әлеуметтік-коммуникативтік қызметін нығайту мен кеңейту мақсатында тағыда басқа бірқатар заң жобалары мен нормативтік құқықтық актілерді әзірлеу қажеттілігін қазіргі уақыттың кейбір жағдайлары аңғартып отыр.

Мемлекеттік тілдің шын мәніндегі қолданысының көрінетін жері – мемлекеттік басқару орындары, заң шығару органдары, халықаралық қызметте қолданылуы. Еліміз бойынша мемлекеттік тілді еркін меңгергендерді жұмысқа

тарту, оны қызметтік міндеттерін тікелей орындау кезінде қолданатын шараларды ұйымдастыру жөніндегі жұмыстар мемлекеттік деңгейде қаралып жатыр. Онда қазақ тілінің қолдану аясын кеңейту үдерістері белгіленіп, қызметкерлердің қазақ тілін білу деңгейлерін бағалау жүйесін жасау жөнінде мәселе күн тәртібіне қойылып отыр. Мемлекеттік мекеме қызметкерлерінің мемлекеттік тілді білу деңгейін нақты бағалау мақсатында халықаралық тәжірибесін зерттей отырып, аталған жүйені әзірлеу тіліміздің мәртебесін артыру үшін жасалатын нақты шара болары даусыз.

Мемлекеттік тілді қоғамдық өмірімізге терең енгізудің бір бағыты – пәрменді үгіт-насихат шаралары мен бұқаралық ақпарат құралдарының ықпалды іс-әрекеті екенінде дау жоқ. Осы мақсаттағы жұмыстарымыз қай бағытта, қандай деңгейде жүргізілуде деген мәселе көпшілікті мазалап жүр. Сондықтан да, елімізде тұратын әрбір ұлт тіл саясатын одан әрі жетілдіре отырып, алдымен мемлекеттік тілдің мәртебесін көтеруге, оның қоғамдық салаларда қолданылуын жан-жақты дамытуды насихаттауға бағытталған ұйымдастыру іс-шаралары тұрақты түрде жүргізіліп келеді.

Мемлекеттік тілдің дамуына жағдай жасауға қажетті толыққанды жүйе қалыптастыру, аталған бағдарламаны іске асыруға бағытталған бірыңғай талаптар мен тетіктерді анықтау, оларды талқылау мақсатында ғылыми конференциялар, семинарлар, дөңгелек үстелдер бүкіл Қазақстан бойынша жүйелі өтіліп келе жатқанын айтуға болады.

Мемлекеттік тілдің әрі қарай дамыту перспективалары мен стратегиялық бағыттары, қазақ терминологиясын қалыптастыру, ономастика мәселелерін реттеу, әр түрлі ұлт өкілдерімен, шетелде тұратын қазақ ұлты өкілдерінің (диаспорасының) мәдени-тілдік сұраныстарын қанағаттандыру мәселелеріне арналған шаралары да өз нәтижесін беріп келеді. Осы сияқты бұқара мен жастарды, өскелең ұрпақты рухани-адамгершілікке, отаншылдыққа тәрбиелеу және олардың бойына тілге деген қызығушылықты қалыптастыру мәселелері бойынша да ауқымды іс-шаралар өткізілді.

Қазақстан халқы тілдерінің дәстүрлі тіл мерекесі күндері өз деңгейінде өткізіліп келеді. Осы ретте мемлекеттік тіл саясатын насихаттауды қолдау мақсатында жыл сайын өткізіліп келе жатқан «Үздік аудармашы», «Қазақ тілінің үздік оқытушысы», «Мемлекеттік тіл – менің тілім», «Мемлекеттік тіл және БАҚ» атты дәстүрлі байқаулар, «Туған тілім – тұғырым» атты республикалық ақындар айтысы нәтижелі болып келеді деп айта аламыз. Олардың мемлекеттік тілді дамыту мен насихаттауда алатын орны ерекше.

Бүгінгі жаһандану заманында жас ұрпақ тәрбиесіне тілдік ортаның, әсіресе, теледидар, радио, электронды бейне құрал-жабдықтардың ықпалы өте күшті болып отырғаны шындық. Қазір қазақстандық қоғамның еңкейген қарты мен еңбектеген жасына дейінгілердің барлығы – теледидар арналарындағы бағдарламалар бойынша көрсетілетін киноларды тамашалап, түрлі кинолар

жазылған компакт дискілерді көріп жүр. Бірақ солардың басым көпшілігі – орысша немесе ағылшынша. Осы өнімдерді де мемлекеттік тілде дайындауға баса назар аудару қажет екенін бүгінгі күн талаптары аңғартып отыр. Бұл мәселені саралап, мемлекеттік дәрежедегі, теле арналарға мемлекеттік тапсырыстар бере отырып, сонымен қатар сырттан келетін түрлі аудио-бейне өнімдерді лицензияланған түрде жаппай қазақша аудару арқылы халыққа тарату негізгі іс-шаралардың қатарына жататыны анық.

Осылайша, жаңа технологияларды пайдалана отырып, қазақ тіліндегі түрлі думан, ойын, кино, ақпараттық-танымдық материалдардың ұлттық үлгісін жасаумен қатар шетелдік өнімдердің қазақша аудармаларын көптеп әзірлеп, жас ұрпаққа ұлттық тәлім-тәрбиені, отаншылдық рухты мемлекеттік тіл арқылы беруіміз аса қажет. Бұл мақсатта мемлекеттік тілде түрлі ақпараттық-танымдық материалдарды әзірлейтін, басқа тілдерден аударатын мемлекеттік орталықтар құрып, олардың мамандарын дайындайтын оқу орындарын ашып жұмыс істеу қажет екенін өмір көрсетіп отыр.

Рас, қазіргі жаһандану кезеңінде тілімізді дамытуға қажетті әлемдік барлық озық тәжірибелерді қамти отырып, тілімізді дамытудың қоғамдық-саяси, ақпараттық-коммуникациялық, ғылыми-техникалық жағын барынша қамтамасыз етуге тиістіміз. Ол үшін тілімізді дамыту, қолданыс аясын кеңейту мақсатында барлық мүмкіншілікті мейлінше тиімді пайдалануымыз қажет.

Мемлекеттік тілді дамыту бағытында алдымыздан шығып отырған күрделі де келелі, көкейкесті де өзекті мәселелерді зерделей отырып, сан-салалы жобаларды іске асыру қажеттілігі – қазіргі жаһандану заманының қатал талабы болып отыр. Себебі, бүгінгі таңда әлемнің әр ұлтын өз құндылықтарын танып-білуі және соларды бағалай отырып, өзінің ұлттық кескін-келбетін сақтап қалуы аса толғандыруда.

Көздеген мақсат-жобаларымыз ойға алғандай болып орындалып, халқымыздың мемлекеттік тілге деген ынтасы мен ықыласы артып, қоғамды қазақша сөйлете білсек, қазақ тілінің мемлекеттік мәртебесін жоғары көтерумен қатар сол арқылы қазақстандық жас ұрпақты отаншылдық рухта тәрбиелей алатынымыз анық.

Ел тәуелсіздігінің алғашқы жылдарынан бері қабылданған заңдарды, қаулы-қарарларды, соларға қатысты бағдарламаларды, жоспарларды және солардың нәтижелерін мұқият қарап, зерделеп пайымдасақ, ел жастарына отаншылдық рух дарытудың басты бағыттары мен басымдықтары мүмкіншілігінше айқындалғанын байқаймыз.

Еліміздің негізгі саясаты мен ел қауіпсіздігін қамтамасыз етудегі білім саясатының басты мақсат-мүддесі – қазақстандық өсіп келе жатқан жас ұрпақты отаншылдық рухта тәрбиелеу болуы тиіс. Көпұлтты Қазақстан азаматтарын білім саласы арқылы патриотизмге тәрбиелеуді дамыта беру стратегиялық мәнге ие. Қазақстан халқы Отан үшін аянбай адал еңбек етсе ғана еліміз тұрақты даму жолына

түспек. Бұл жауапты міндет әлемдік тарих пен саяси тәжірибеде тек патриоттық рух арқасында ғана жемісті болып жүзеге асатыны дәлелденген.

Тіліміздің келешегі туралы осы міндеттер қаншалықты күрделі, біреулерге сенімсіз болғанымен, жүзеге асырылатыны анық. «Өткен күннен алыс жоқ, келер күннен жақын жоқ», – дейді халық даналығы. Әрине, бұл үшін көп еңбек етуіміз қажет.

Жас ұрпақ арасында ұлттық құндылықтарды насихаттап, азаматтық ар-ождан, намыс пен абырой туралы ой қозғап, отаншылдық мақтаныш сезімін туғызуға күш салу, сонымен қатар Отанымыз – Қазақстан Республикасының өркендеп дамуы үшін тәлім-тәрбиелік жұмыстарды түпкі мақсат-мүддеге сай жүргізу қасиетті борышымыз, азаматтық парызымыз болуы қажет.

Қазақ тілі – дүниедегі ең шұрайлы, кестелі тілдің бірі деп жатамыз. Ия, Қазақ тілі – өте бай тіл! Қазақ халқының бойына сіңген ата-бабаларымыздың тәлім-тәрбиесі, үлгі-өнегесі, біздің тұлға болып қалыптасуымызға себепкер болғаны, үлкен үлес қосқаны байқалатыны анық. Университеттің «Бірлік» Ассамблеясындағы әр ұлттың студенттері, көптеген іс-шараларға атсалысып, соның арқасында қазақ тілін жетік меңгеріп келеді. Мұны студенттердің өздері де жоққа шығара алмайды. Сонымен қатар әрбірі өз Отаны - Қазақстанның патриоты болып, өз мүмкіншіліктерін ұйымның арқасында паш етуде. Ал осы студенттердің ұлтына, дініне құрметпен қарап, талантын көре біліп, соны ары қарай дамытуына септігін тигізуді университет басшылығымен бірге, профессор-оқытушылардың міндеті болып табылады. Байқап қарасақ, барлығы тек студент ретінде аудиторияда ғана емес, бір-бірімен достық қарым-қатынаста кештер өткізіп, өте жақсы араласады, қазақ тілінде сөйлесіп, өз ойларын еркін жеткізіп отырады. Бұл татулықтың, «Бір жағадан бас, бір жеңнен қол шығаратын» бірліктің белгісі. Қазақ қоғамындағы ертеңгі жарқын болашаққа деген сенімділіктің белгісі! Тіпті осы құрамда қазақша ән айтып, өлең жазып, кешегі Абай, Мұқағали өлеңдерін мәнермен жаттап жүрген студенттеріміз де бар. Мысалы, өзбек ұлтының өкілі Сүлейменова Бахор Абайдың 175 жылдығына өзі өлең арнап жазса, ұйғыр ұлтының өкілі Рафаэльқызы Румиля қара сөздерін жатқа айтып, еркін талдайды. Орыс ұлтының өкілдері Пономарев Денис Абайдың әнін шырқап, Лаврова Маша мен Боловнева Анжелика өлеңдерін жатқа оқыды. Әрине мұның барлығы қуанарлық жай. Менің ойымша, басқа университеттерде де, әр облыстағы мәдениет үйлерінде құрылып отырған мұндай ұйымдардағы мүшелер дәл біздің «Бірлік» Ассамблеясындағыдай жұмыс істеп жатқандарына еш күмәнім жоқ. Біздің тарапымыздан ешқашан өзге ұлтты студенттерімізге өз тіліңді ұмытсаң да, қазақ тілінде сөйлеуің шарт деген талаптар қойылмайды. Керісінше өз ана тілдерін құрметтеп, алдымен сол тілді жоғары қоюына, өздерінің өнері мен мәдениетін дамытуға үнемі мүмкіншіліктер жасалып отырады, бұған ешқандай кедергілер де болған жоқ. Өз ана тілін біліп, құрметтеген адам ғана өзге тілді де дәл осылай құрметтей алатын болады. Бұдан байқайтынымыз, баршаның мүддесін бір

ету үшін, бірегей елдің тұтастығын сақтап, бір-бірімізге сыйлы болу үшін мемлекеттік тілдің орны орасан зор деп білемін.

Қорыта айтсақ, Президентіміз Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Сындарлы диалог-Қазақстанның тұрақтылығы мен өркендеуінің негізі» тақырыбындағы халыққа Жолдауында: «Қазақ тілінің мемлекеттік тіл ретіндегі рөлі күшейіп, ұлтаралық қатынас тіліне айналатын кезеңі келеді деп есептеймін» [3] - деген болатын, яғни, ұлтаралық қатынас тіліне айналатын кезеңде жастардың да жауапкершілігінің зор екендігін көрсетеді. Бұл дегеніміз, отаншылдық сана-сезімді еліміздің қалың бұқарасына, әсіресе жас ұрпақ бойына берік қалыптастыруда күн тәртібінен түспейтін аса маңызды мәселе болып табылады. Отаншылдық сана-сезімді тәуелсіз еліміздің өскелең жастары бойына қазіргі таңдағы жаңғырған білім саясаты арқылы қазақстандық құндылықтар жүйесінің ең маңыздысы ретінде оқытып дарыта алсақ, еңбегіміз нәтижелі болары хақ.

Дереккөздер мен әдебиеттер тізімі:

1. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына Жолдауы. «Халық бірлігі және жүйелі реформалар – ел өркендеуінің берік негізі». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.akorda.kz> (қаралған күні 01.09.2021).
2. Назарбаев Н.Ә. Қазақстанның болашағы – қазақ тілінде//Ана тілі, №19. 2006 жыл 11-17 мамыр.
3. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына Жолдауы. «Сындарлы қоғамдық диалог – қазақстанның тұрақтылығы мен өркендеуінің негізі». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.akorda.kz> (қаралған күні 02.09.2019)

УДК: 327.5, 914/919
МРНТИ: 11.25.40, 11.25.67
E6, F5, F13, N45

Неъматов Акрамжон Илхомович

Первый заместитель директора Института стратегических
и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан
г. Ташкент, Республика Узбекистан
e-mail: info@isrs.uz

ДИНАМИКА РИСКОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению рисков в Центральной Азии. За 30-летний период независимости страны Центральной Азии столкнулись со следующими проблемами: клановая борьба за власть, коррупция, сложность социально-экономического положения, растущая бедность, опасность радикальных течений ислама. В качестве метода исследования использовался обзор актуальных научных работ. Сложность исследуемого региона обусловлена наличием ряда факторов: анклавов и эксклавов, смешанностью этнических групп, которые с легкостью вовлекаются в территориальные споры, а также географической близостью с Афганистаном. Рассматриваются конфликты в регионе, затрагивающие распределение и использование водных ресурсов рек Амударьи и Сырдарьи, которые пересекают территории нескольких государств. Эти государства имеют разные представления о том, как должны распределяться водные ресурсы. Также одним из рисков является наркотрафик из Афганистана.

Ключевые слова: Центральная Азия, Ферганская долина, водные ресурсы, анклав, территориальные конфликты, Афганистан, радикальный ислам

Аңдатпа: Мақала Орталық Азиядағы қауіп-қатерлерді анықтап талдайды. Орталық Азия елдері тәуелсіздік алған 30 жылдық кезеңде мынадай мәселелерге тап болды: билік үшін кландық күрес, жемқорлық, әлеуметтік-экономикалық жағдайдың күрделенуі, кедейліктің артуы, радикалды исламдық ағымдардың қаупі. Зерттеу әдісі ретінде қазіргі ғылыми еңбектерге шолу қолданылды. Аймақтың күрделілігі анклавтар мен эксклавтардың болуымен, аумақтық

дауларға оңай араласатын этникалық топтардың араласуымен, сондай-ақ Ауғанстанға географиялық жақындығымен байланысты. Бірнеше мемлекеттердің аумақтарын кесіп өтетін Амудария және Сырдария өзендерінің су ресурстарын бөлу мен пайдалануға әсер ететін аймақтағы қақтығыстар қарастырылды. Бұл мемлекеттердің су ресурстарын қалай бөлу керектігі туралы әртүрлі идеялары бар. Сонымен бірге, қауіптердің бірі – Ауғанстаннан есірткі тасымалы.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Ферғана аңғары, су ресурстары, анклавтар, аумақтық қақтығыстар, Ауғанстан, радикалды ислам

Annotation: The article is devoted to the identification and analysis of risks in Central Asia. Over the 30-year period of independence, the countries of Central Asia have faced the following problems: clan struggle for power, corruption, the complexity of the socio-economic situation, growing poverty, the danger of radical Islamic movements. As a research method, a review of current scientific works was used. The complexity of the region is due to the presence of enclaves and exclaves, a mixture of ethnic groups that are easily involved in territorial disputes, as well as geographical proximity to Afghanistan. The conflicts in the region that affect the distribution and use of water resources of the Amudarya and Syrdarya rivers, which cross the territories of several states, are considered. These states have different ideas about how water resources should be distributed. Also one of the risks is drug trafficking from Afghanistan.

Key words: Central Asia, Fergana Valley, water resources, enclaves, territorial conflicts, Afghanistan, radical Islam

Введение

Страны Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан) делят между собой огромное географическое пространство. Их объединяет общее историческое и экономическое прошлое. Например, Узбекистан, славящийся хлопководством, предоставлял сырье другим странам, а, в свою очередь, ГЭС на реках в Таджикистане и Кыргызстане вырабатывали электроэнергию и делились с соседними республиками. Г.Ч. Акунова утверждает, что трудности в период становления независимости стали результатом экономической и социальной стагнации, недовольств, трудностей в доступе к природным ресурсам, нестабильной ситуации в Фергане и т.д. [1]. Трудности переходного периода привели к социально-экономическому упадку: отсутствию продовольственных продуктов на прилавках, высокому уровню безработицы и потере веры в стабильную жизнь. Такие условия увеличили риски появления разных течений ислама (в том числе радикальных), миграции населения в другие страны и межэтнических конфликтов. В статье рассматриваются конфликты, возникающие в регионе, как они решаются и каково состояние рисков на сегодняшний день. Целью статьи является оценка существующих рисков и их влияние на Центрально-Азиатский регион.

Ферганский вопрос

Особый интерес исследователей, конфликтологов и экспертов вызывает регион Ферганской долины. Территория, окруженная горными хребтами, разделена между тремя государствами - Таджикистаном, Узбекистаном и Казахстаном. Благодаря развитию торговли, во времена Великого шелкового пути регион стал точкой соприкосновения и смешения многих этносов. Экономические перспективы стали определяющим фактором миграции из разных точек Центральной Азии в Ферганскую долину. Однако не каждый мигрировавший житель мог улучшить свой социально-экономический статус. В ходе торговли на рынке между представителями разных этнических групп возникали бытовые конфликты. А далее эти разногласия могла подхватить одна из этнических групп. С другой стороны, возможность возникновения конфликтов между двумя или несколькими людьми может трактоваться как стычка между представителями разных этнических групп.

Три государства, поделив территорию между собой, стремились установить на ней свои правила. Это, в свою очередь, могло вызвать несогласия между этническими группами. Г.А. Рудов привел пример конфликта 2012 года в узбекском анклаве Сох, находящемся в Кыргызстане, где проживают в основном таджики [2]. Конфликт произошел из-за попытки кыргызской стороны установить опоры линии электропередачи на территории, граничащей с анклавом, что вызвало недовольства у жителей на границе узбекского села. Оружия были отобраны, а пограничные стражи получили ранения на КПП. Хотя и основная часть населения Соха является таджиками, но со стороны таджикских представителей никаких претензий не было.

Определение границ

После распада советского союза, страны Центральной Азии в Алматы в 1991 году пришли к соглашению об определении границ. Соглашение подразумевало целостность государств и их границ. Принцип был основан на том, что страны уважают территориальные границы друг друга, признают их нерушимость по отношению друг к другу. Со временем случаи территориальных споров стали учащаться, жители становились уязвимыми перед конфликтами.

Э. Байсалов в вопросе о территориальных спорах отмечает, что между странами Центральной Азии процесс демаркации границ не окончен. Некоторые обсуждения и поправки все еще происходят. К примеру, между Узбекистаном и Казахстаном сам процесс демаркации стал активным лишь к 2017 году. 2300 км границ на бумаге стали отчетливы и понятны [3]. Ситуация между Таджикистаном и Кыргызстаном обстоит немного иначе и 20% границ (1300 км) еще подлежат обсуждению.

Из 1300 километров узбекско-таджикской границы 20% были спорными. Шавкат Мирзиёев и Эмомали Рахмон в марте 2018 года подписали договор об отдельных участках границы. С тех пор совместная комиссия по демаркации

границ собирается регулярно. Несколько лет назад такое было невозможным.

Довольно позитивные изменения происходят и между Узбекистаном и Кыргызстаном. В сентябре 2019 года Ташкент и Бишкек впервые обменялись равноценными участками земли. Процент согласованных линий границы с момента возобновления переговоров вырос с 84 до 92 [3].

Методология

В данной статье использовался метод обзора актуальных научных статей, авторами которых рассматривались проблемные вопросы изучаемого региона. Основываясь на научные работы, нами был осуществлен анализ существующих рисков и предложены рекомендации по их нивелированию.

Риски

Разногласия при использовании водных ресурсов

Проблеме орошения земель в Центральной Азии уделяется большое внимание. Собственно, климат региона является засушливым. Контроль над водными ресурсами разделен между Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Вода используется не только для бытовых и сельскохозяйственных нужд, но и для получения электроэнергии. Основными источниками воды являются реки Амударья и Сырдарья, так называемые «трансграничные» реки, которые берут свои истоки в горной местности Кыргызстана (Сырдарья) и Таджикистана (Амударья), а далее протекают на территории Узбекистана, Туркменистана и Казахстана. Кыргызстан и Таджикистан имеют больший контроль над ними, поскольку реки берут свое начало оттуда. Имея контроль над реками, эти страны способны повлиять на то количество воды, которое пойдет в другие регионы. Отсутствие регулирования данного вопроса может привести к международным и межгосударственным конфликтам. Несмотря на то, что был принят ряд соглашений по водному вопросу, разногласия по этому поводу существуют до сих пор. Так, Кыргызстан и Таджикистан, стремясь получить экономическую выгоду от использования водных ресурсов, требуют дополнительную плату от соседних стран (как и происходит за нефть, газ и уголь), в то время как Узбекистан, Казахстан и Туркменистан считают, что ресурсы одинаково принадлежат всем государствам.

Главной проблемой в управлении водными ресурсами в Центральной Азии является конфликт интересов между странами, расположенными в верховьях, и странами, расположенными в низовьях водотоков. Кыргызстан и Таджикистан располагают на своей территории значительными водными ресурсами, попуски которых они увеличивают в зимний период для удовлетворения своих энергетических потребностей за счет производства гидроэлектроэнергии. И, напротив, Республики Узбекистан, Туркменистан и Казахстан располагают гораздо меньшим объемом возобновляемых внутренних водных ресурсов, и им требуется, чтобы основной объем воды из водохранилищ на трансграничных реках подавался в летний

период, для удовлетворения ирригационных нужд и избежания неконтролируемого зимнего затопления. Производство гидроэлектроэнергии представляло собой лишь второстепенную задачу, потому что энергоносители стоили дешево. Энергетические потребности стран верховий, бедных на месторождения ископаемого топлива, удовлетворялись за счет централизованного планирования, обеспечивавшего поставки ископаемого топлива из соседних стран низовий, изобилующих этими ресурсами [1].

Территориальные споры (конфликт на границе Кыргызстана и Таджикистана)

Для Ферганской долины, которая территориально поделена между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, актуальны конфликты на территориальной почве. Здесь насчитывается восемь больших узбекских, кыргызских и таджикских анклавов: Сох, Шахмардан, Чон-Кара и Джани-ай-ыл, которые принадлежат Узбекистану, Ворух, Кайрагач и Сарвани Таджикистану, и Барак Кыргызстану. В случаях попыток пересечь границу анклава и страны, при обмене ресурсами, строительстве и деятельности на территории, могут возникать споры, которые вызывают недовольства у титульной этнической группы или у государственных властей [1].

Еще одной проблемой приграничного сотрудничества является незаконченная демаркация границ. Кыргызстан и Таджикистан разделяют 971 км приграничной территории [4], 471 километр остается спорным. Немаркированные участки границ становятся источниками стычек гражданского населения с пограничниками с той и с другой сторон.

Конфликт, произошедший 1 января 2014, на кыргызско-таджикской границе возле головного водораспределителя села Ай-Сай произошел из-за разногласия строительства автодороги Ак-Сай-Кок-Таш. Таджикские пограничные войска потребовали от кыргызов прекращения строительства. В итоге, таджикская сторона использовала минометы и гранатометы. Конфликт возле села Ак-Сай является одной из проблемных 70 зон на границах Таджикистана и Кыргызстана.

22 июля 2019 года произошел пограничный конфликт между жителями села Аксай и анклава Ворух (Таджикистан). Причиной конфликта, по мнению кыргызской стороны, стало установление таджиками флагштока с государственным флагом на спорной территории, что вызвало возмущение в кыргызском Аксае. В свою очередь таджикская сторона считала, что конфликт начался раньше с момента установления стелы с надписью «Аксай» на спорной территории, прилегающей к анклаву Ворух.

16 сентября 2019 года в Лейлекском районе Баткенской области Кыргызстана на спорном участке границы произошла перестрелка между пограничниками двух стран, в результате чего 13 человек получили ранения и погиб кыргызский пограничник. С таджикской стороны погибло три человека и десять было ранено.

Традиционными являются водные проблемы, поскольку две страны между

собой делят свыше 40 водных каналов, которые также зачастую перекрывается местными жителями с обеих сторон, что приводит стенам или перекрытиям других каналов.

Достаточно новым, с момента достижения независимости стран Центральной Азии являются пастбища: для Кыргызстана проблема с пастбищами практически не стоит, а вот у Таджикистана с этим проблемы. В советское время эти проблемы решались на межхозяйственной основе, на уровне колхозов и совхозов – таджики нередко пасли свой скот на кыргызских пастбищах или же отдавали его на выпас кыргызским чабанам, а взамен оплачивали их услугу.

Наличие анклавов

Если говорить об анклавах в Центральной Азии, то в этом плане выделяется только Туркменистан, на территории которого нет анклавов и эксклавов (отсутствуют земли за рубежом). У Казахстана также нет каких-либо анклавов внутри страны, но есть два казахских эксклава в Узбекистане. Немного схожая ситуация у Таджикистана – в стране анклавов не имеются, но существуют два таджикских эксклава в Кыргызстане и один в Узбекистане. В Кыргызстане имеется четыре узбекских и два таджикских анклава. В Узбекистане существует по одному таджикскому и кыргызскому анклаву и два казахских анклава (один из них полуанклав, в другом уже никто не живет) [3].

Как уже отмечалось выше, в современной истории стран Центральной Азии особое место занимает проблема юридического оформления линии государственной границы. Опыт переговоров, которые длятся около 20-и лет, показал, что наиболее сложной процедурой в этом процессе является достижение согласования линии границы на территориях, прилегающих к анклавам. Достижению взаимоприемлемого решения в этом процессе препятствует заинтересованное внимание приграничного населения сторон, которые, в условиях острого дефицита здесь природных ресурсов – пашен, пастбищ, сенокосов, лесов, воды, топлива, - с недоверием относятся к деятельности лиц, проводящих переговоры по делимитации линии границы. Сомнения в возможности справедливого разделения приграничных территорий с их природными ресурсами являются причинами конфликтов [5].

По статистике последних восьми лет, ежегодно происходит более 10 приграничных и пограничных конфликтов, включая вооруженные. Наибольшее их количество пришлось на 2013 г., когда наблюдалось 41 столкновение между гражданским населением и пограничниками сторон. При этом их основная часть была привязана к приграничным участкам анклавов [5].

В 2017 г. на границе Кыргызстана с Таджикистаном и Узбекистаном произошло 14 противостояний, которые продолжились и в начале 2018 г. [5].

Трудности в согласовании места прохождения линии границы у анклавов обусловлены сложной историей формирования административных границ во время национально-территориального размежевания, начавшегося в июле 1924 г.

и продолжавшегося до распада СССР.

Ферганская долина, Сохский район Узбекистана, расположенный в анклав и кругом граничащий с Кыргызстаном является самым крупным в мире анклавом. Наряду с Сохом, Узбекистан имеет в Кыргызстане еще два эксклава – это Шахимардан и Чон-Гара (Северный Сох). Необычной особенностью Соха является то, что подавляющее большинство его населения составляют таджики, так, что по национальному составу анклав не совпадает ни с материнским, ни с окружающим государствами. Сох изолирован от остальной территории Узбекистана территорией Кыргызстана (Баткенская область, между Баткенским и Кадамжайским районами) и является анклавом по отношению к Кыргызстану, эксклавом в отношении Узбекистана. Данный эксклав возник в 1955 году. Следует отметить, что исторически Сох был передан узбекам в аренду на 70 лет и с момента распада СССР является камнем преткновения в отношениях двух стран. Неоднократно совершались попытки соединения эксклава с материнским государством посредством создания коридора. В данном эксклаве существует множество нерешенных проблем, среди которых межнациональные конфликты, трения, нехватка воды, демографический взрыв, множество КПП и коррупция.

Точно такая же ситуация складывается и в анклав Северный Сох – это Чон-Гара. Это село в Риштанском районе Ферганской области Узбекистана, население которого преимущественно составляют кыргызы. Данная спорная территория является горячей конфликтной точкой в отношениях двух стран. Основную проблему представляют заминированные границы со стороны Узбекистана, из-за чего постоянно гибнет мирное население.

Похожая ситуация и идентичные проблемы существуют в анклав Шахимардан, также находящемся в Ферганской области Узбекистана. Территориально, совместно с небольшим поселком Иордан образует анклав, окруженный землями Баткенской области Кыргызстана. В его этнический состав входят в основном узбеки. Расстояние до материнского государства составляет примерно 17 км.

Необходимо отметить, что на территории Узбекистана также имеются анклавы и эксклавы соседних государств. Одним из таковых является эксклав Барак. 60% населения которого являются кыргызы, остальные – узбеки. Барак находится в Кара-Сууском районе Ошской области Кыргызстана и географически окружен Кургантепинским районом Андижанской области Узбекистана. От основной территории Кыргызстана его отделяет полоса в 1,5 км. Жители данного эксклава постоянно испытывают большие трудности при пересечении кыргызско-узбекской госграницы. Барак практически изолирован от материнского государства. Узбекистан, в свою очередь, стимулирует массовую эмиграцию кыргызов из Барака и иммиграцию узбеков в данный поселок.

Что касается анклавов и эксклавов Таджикистана, то можно отметить эксклав Сарвак в Узбекистане, крупный анклав Ворух и маленький анклав Карагач

в Кыргызстане [6].

Общеизвестно, что анклавные и эксклавные территории всегда являются источником политических и международных конфликтных ситуаций и в связи с этим, приоритетами внешней политики граничащих государств являются подписание соглашений и договоров, решение данных вопросов в конструктивном порядке, обмен анклавами.

Террористические риски

Говоря о террористических рисках, следует немного остановиться и рассмотреть причины их возникновения. «Террор» (синоним слову «страх») стал одним из инструментов запугивания населения в целях получения ресурсов (власть, деньги, территории и т.д.). После распада бывших социалистических республик президенты стран Центральной Азии ставили себе задачу создать фундамент для развития государств, при этом поддерживая однопартийную структуру [7]. Однако идеология и политика государственной власти не получили поддержку у некоторой части населения. Люди оставались безработными или уезжали в другие регионы. Это привело к социально-экономическому застою. Таким образом, Ферганская долина представляет собой густонаселенный район с высоким уровнем безработицы, что делает ее территорией, удобной для деятельности радикальных организаций и вербовки новых участников [7].

Е. П. Ионова отмечает, что подобная политика привела к тенденции появления радикальных течений Ислама, этнонационального сепаратизма, преступных группировок. Эти группировки организуются среди населения с низким экономическим статусом, которые подвержены к проявлению экстремизма [8]. Географическая близость Центральной Азии к очагам течения Ислама может являться фактором подверженности высокого риска терроризма.

После событий 11 сентября 2001 года, многие стали ассоциировать терроризм с радикальными мусульманскими движениями. Примером такого движения выступает организация ИГИЛ - Исламское Государство Ирака и Леванта. ИГИЛ в основном преследует цели нарушить стабильность в регионе Ферганской долины и распространять радикальное течение ислама среди жителей Центральной Азии. Сотрудничество с такими террористическими организациями как «Талибан», «Аль-Каида» и «Исламское движение Узбекистана (ИДУ)» укрепляет позиции ИГИЛа. Главные ценности этих организаций могут различаться в некоторой степени, однако преследуемые ими цели совпадают.

Страны Центральной Азии объединились в коллективной борьбе с терроризмом и основали ОДКБ (Организация Договора и Коллективной Безопасности). Основными целями ОДКБ являются пресечение наркоторговли, а также оперативное и совместное реагирование на случай терроризма. Помимо ОДКБ, организация ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества) ставит целью обеспечить безопасность и уменьшить влияние сепаратизма и экстремизма в

регионе. Так, был проведен ряд совместных военных учений ШОС. Первое из них было проведено в 2003 г., причем первый этап проходил в Казахстане, а второй - в Китае. С тех пор Китай и Россия объединились для проведения масштабных военных игр в 2005 (Peace Mission 2005), 2007 и 2009 гг. под эгидой Шанхайской организации сотрудничества. Более 4000 солдат приняли участие в совместных военных учениях в 2007 г. (известных как «Мирная миссия 2007»), которые проходили в Челябинской области у Уральских гор [9].

С 2011 года от 2000 до 4000 граждан Центральной Азии мигрировали в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к боевым группировкам. Перед бывшими бойцами тогда стояли три варианта развития событий. Они могли эмигрировать в другую страну, переехать, чтобы присоединиться к террористическим группам в другой зоне конфликта или вернуться домой [14].

В качестве наиболее успешного примера борьбы с терроризмом и экстремизмом в Центральной Азии можно рассмотреть Казахстан. В Казахстане был зафиксирован постепенный рост случаев экстремизма с 2005 по 2011 года. С.И. Дусметова С.И. и А.А. Налибай отмечают, что в этот период произошел рост распространения радикальных течений в регионе. На местном уровне правоохранительные органы наблюдали скачок в возбуждении дел по совершению преступлений на почве экстремизма и терроризма.

Основные террористические события 2011 г. происходили в городе Атырау, Жамбыле и Актобе [12]. Взрыв в Актобе был террористическим актом, который произошел 17 мая 2011 г. Злоумышленник проник в штаб-квартиру казахстанских служб безопасности в регионе и подорвал бомбу смертника, убив себя и ранив двух других. Казахские чиновники признали, что нападение было связано с исламскими экстремистами. Еще один террористический акт был совершен в Таразе 12 ноября 2011 г. Исламский сторонник джихадизма убил четырех сотрудников сил безопасности и двух мирных жителей. Два взрыва произошли в городе Атырау на западе Казахстана 31 октября 2011 г. Первая бомба, спрятанная в корзине возле штаб-квартиры местного правительства, взорвалась незадолго до 9:00 по местному времени. Вскоре после этого у здания прокуратуры произошел еще один взрыв [12].

С 2013 года, когда граждане Казахстана впервые выехали в зоны конфликта в Сирии и Ираке и образовалась казахская мусульманская община «Казах жамагат», казахские власти были обеспокоены тем, что эти граждане когда-нибудь вернуться в Казахстан для совершения террористических актов и распространения своей идеологии. Это еще больше усугублялось использованием Исламским государством казахстанской молодежи в пропагандистских видеороликах. Соответственно, основная задача казахских спецслужб в то время (в первые годы вербовки ИГИЛ иностранных боевиков) заключалась в том, чтобы не допустить самостоятельного повторного въезда таких людей в страну. Когда в

2017 году террористические организации в Сирии и Ираке начали терять контроль над территорией, Казахстан решил адаптировать свою политику к новой проблеме репатриации своих граждан из зон конфликта. Результатом этой работы по репатриации стала операция «Жусан», которую охарактеризовали как гуманитарную операцию, название которой вызывает образ родины. [14]. Первый из трех этапов операции включал выявление и документирование казахстанцев. Вторым этапом состоял из переговоров и создания условий для эвакуации казахстанцев. Третьим этапом стала собственно репатриация, которая охватывала период с начала 2019 г. по начало 2021 г. Всего в рамках операции «Жусан» из Сирии в Казахстан было возвращено 654 человека [16].

Афганский вопрос

Проблемы, существующие на сегодняшний день в Афганистане, актуальны и для Центральной Азии. Так, Афганистан является зоной повышенной террористической угрозы и наркотрафика, а Центральная Азия в силу своего географического положения является важным звеном в обеспечении глобальной безопасности.

Проблема наркотиков влияет на социально-экономическое и политическое положение государств региона и оказывает негативное влияние на его развитие. В настоящее время незаконный оборот наркотиков рассматривается как угроза национальной безопасности в дополнение к региональной безопасности государств Центральной Азии. Благодаря своему географическому положению и близости к Афганистану регион Центральной Азии стал эпицентром наркотрафика. Развитие мировой незаконной торговли наркотиками, исторические предпосылки наркотрафика в регионе, а также политическая, социально-экономическая ситуация в государствах Центральной Азии оказали существенное влияние на рост торговли наркотиками в регионе. Нынешняя ситуация с незаконным оборотом наркотиков считается угрозой не только для Афганистана, но и для всего мира [16].

Афганистан на протяжении уже нескольких десятилетий остается крупнейшим мировым производителем героина и опия-сырца и тем самым определяет общие тенденции мирового рынка наркотиков. За последние 14 лет на долю этой страны стало приходиться 90% мирового производства опия. Это на 50% больше, чем в период до 2000 г. По этим показателям Афганистан обошел даже Мьянму [8].

Управление ООН по наркотикам и преступности отмечают рост производства опиумного мака с 2016 года на 10%. Особенно заметен рост в южных (59%), западных (25%), и восточных (9%) провинциях страны. На центральные, северо-восточные и северные районы в общей сложности приходится 7% от всего производства. В статье Д.Б. Малышевой отмечается, что такой скачок в расширении производства связан с движением Талибан, которое ставит для себя цель заработать через наркоторговлю [17].

Ш. Аманбекова отмечает, что преступные группы (провинция Бадахшан),

существующие с 1990-х годов в Таджикистане, получили легитимность среди населения через благотворительную деятельность. Это произошло благодаря поддержке общественных центров, спортивных клубов и образовательных программ [19]. Таким образом, население способствовало распространению наркотиков и создало трудности для борьбы с наркобизнесом.

Существует структура «афганское крыло», которая действует с 2015 года под руководством Исламского Государства. В нее вошли выходцы из Афганистана и некоторых стран Центральной Азии. В рядах ИГ и других экстремистских группировок сражалось значительное число граждан ЦА – Казахстана (300 человек), Киргизстана (500), Таджикистана (386), Туркменистана (360) и Узбекистана (500 человек) [18, pp. 8-10]. Представитель России по Афганистану З. Кабулов указывает, что еще в конце 2014 года в Афганистан было переброшено около ста боевиков Исламского Государства: они сосредоточились на границах Таджикистана (4-5 тыс боевиков) и Туркменистана (2,5 тыс боевиков) [19].

Д.Б. Малышева исследовала и отметила возможные риски, которые грозят странам Центральной Азии. Во-первых, вероятность возобновления в Афганистане гражданской войны и распространения боевых действий на территорию соседних государств ЦА. Причем основная угроза будет исходить от состоящих по большей части из иностранцев (этнических узбеков, таджиков, уйгуров, чеченцев и др.) экстремистских организаций («Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Восточного Туркестана» и др.), базирующихся в Афганистане, но не оставляющих надежду вернуться в родные места с целью замены там (в том числе насильственным путем или при поддержке внешних спонсоров) светского правления на исламское. Не исключено их объединение с местными религиозно-политическими ячейками (особенно в беспокойных областях ЦА – Ферганской, Раштской, Ошской) и инициирование межэтнических столкновений [17].

Во-вторых, риски рождает вытеснение этих религиозных радикалов, а также и талибов – вследствие проводимых против них военных операций в зоне афгано-пакистанского кризиса – на север Афганистана, что делает уязвимыми таджикско-афганскую и туркменско-афганскую границы и оставляет в зоне особого риска центральноазиатские республики. Вместе с тем в отличие от Туркменистана с его официально признанным нейтральным статусом, исключая вхождение в любые военные структуры, и Узбекистана, приостановившего в 2012 г. свое членство в ОДКБ, три другие центральноазиатские республики (Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан) могут рассчитывать на помощь ОДКБ. В этих странах расположены также российские военные базы, причем база в Таджикистане – самая большая за пределами России (около 6 тыс. военнослужащих).

В-третьих, возможности реализовать в Афганистане исламистский проект, следствием чего может стать радикализация центральноазиатской уммы, усиление там активности движений, часто связанных с организациями транснационального

терроризма и наркокартелями. К этому перечню опасных проблем можно добавить и наркомафию, частично питающую религиозный экстремизм и становящуюся вместе с ним элементом дестабилизации центральноазиатских государств [17].

Заключение

Несмотря на то, что Центрально-Азиатский регион богат ресурсами, он подвержен многим рискам и находится в достаточно уязвимом положении. Такие крупные геополитические игроки, как США, Китай и Россия выражают интерес к экономическому сотрудничеству. Пять стран Центральной Азии имеют огромный спрос на строительство инфраструктуры, а иностранные инвестиции очень привлекательны для международных подрядчиков. Однако такие риски, как трансграничные разногласия, неравномерное использование водных ресурсов, наркотрафик, проходящий через регион, вызывают опасения и неуверенность в дальнейшем сотрудничестве.

Главы стран без сомнения проходили опыт совместных соглашений для экономического сотрудничества. Г.Ч. Акунова считает, что совместных усилий все еще не хватает для предотвращения уязвимости и рисков индивидуальность и автономность разделили страны по самостоятельным путям. Ферганская долина, которая исторически сложилась как привлекательный маршрут для купцов, стала социально-экономически уязвимым регионом. Наличие анклавов, смешанность разных этнических групп, разногласия между территориями, способность поддаваться экстремистским течениям ислама, - все еще оставляют регион подверженным высокому риску. С другой стороны, перспективы сотрудничества также исходят от таких стран, как США, Китай и Россия, так как ресурсы региона являются благоприятными для экономического развития. Г.Ч. Акунова также добавляет, что между главами стран проходят консультативные совещания.

Регион живет под постоянным информационным давлением деструктивных сил, поддерживаемых отдельными государствами и различными экстремистскими организациями, и все государства региона все чаще сталкиваются с этими вызовами безопасности, поскольку информационные факторы стали глобальной проблемой для всего человечества.

В последние годы наметилась тенденция сближения государств региона Центральной Азии для преодоления внешнеполитических разногласий и межгосударственных противоречий. Лидеры стран несколько раз встречались и обсуждали вопросы сближения, решения региональных проблем. Единство истории и общность культур являются главным стержнем интеграции народов Центральной Азии.

Список литературы

1. Акунова Г.Ч. Страны Центральной Азии: трудности на пути сближения. Проблемы постсоветского пространства. 2020; 7(3):300-311. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-300-311>
2. Рудов Г.А. Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации / 16 Обозреватель=Observer. - 2014. - No 11.
3. Байсалов Э. Территориальные споры в Центральной Азии на пороге 30-летия независимости. 2021. <https://cabar.asia/ru/territorialnye-spory-v-tsentralnoj-azii-na-poroge-30-letiya-nezavisimosti?pdf=45596>
4. Sullivan, C. J. Battle at the border: An analysis of the Kyrgyzstan-tajikistan conflict. Asian Affairs, 2021 .52(3), 529–535. <https://doi.org/10.1080/03068374.2021.1940587>
5. Аламанов С. К. Анклавы в центральной Азии: история вопроса и современные проблемы. Постсоветские исследования. 2018. №5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anklavy-v-tsentralnoj-azii-istoriya-voprosa-i-sovremennye-problemy> (дата обращения: 10.10.2021)
6. Курбонова З. М. Анклавы Центральной Азии: мифы и реалии //Вопросы политологии. 2017. №. 2. С. 125-129.
7. Марлен Л, Себастьян П. Региональные организации в Центральной Азии: характеристики взаимодействий, дилеммы эффективности. Доклад №10, 2013. Университет Центральной Азии. <http://www.ucentralasia.org/downloads/UCA-IPPA-WP-10-RegionalOrganizations-Rus.pdf>
8. Ионова Е.П. Об угрозе терроризма в Центральной Азии. 4 (29). ИМЭМО РАН. –М. 2015.
9. Арис С. Шанхайская организация сотрудничества. Картографирование многосторонности в переходный период, 2013. 2. IPI.
10. Vroanalytics. Саммит ОДКБ в Душанбе: укрепление сотрудничества и повышение боеспособности 2015. URL: <http://vroanalytics.com/2015/09/15/sammit-odkb-v-dushanbe-...>
11. Забиров Д.В. Взаимодействие стран Центральной Азии в борьбе с терроризмом в рамках международных организаций. Международные отношения. 2018. № 2. С. 158 163. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.25815 - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25815
12. Дусметова С.И., Налибай А.А.. Проблема терроризма в Республике Казахстан. Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 4
13. Заявление Главы государства. 08.07.2016. [Statement by the Head of State. 08.07.2016.)] Available at: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/zayavlenie-glavy-gosudarstva
14. Farrell W.B., Rustam Burnashev R., Rustam Azizi, and Babadjanov B. Processes of Reintegrating Central Asian Returnees from Syria and Iraq. United States Institute of Peace. ISBN: 978-1-60127-858-6. No. 498. July 2021

15. The Kazakh Zhamagat (Kazakh Muslim Community) is the name given to Kazakhs who traveled to ISIS-held territories and lived there together. Oleg Taran, "Security in the CIS" [in Russian], Committee on National Security of the Republic of Kazakhstan, November 11, 2014, <http://knb.gov.kz/ru/news/bezopasnost-na-prostranstve-sng>; and Tom Wyke and Darren Boyle, "ISIS Release Shocking New Video of Child Soldiers from Kazakhstan Being Trained with AK47s," Daily Mail, November 22, 2014, www.dailymail.co.uk/news/article-2845531/ISIS-release-shocking-new-video-child-soldiers-Kazakhstan-trained-AK47s.html.

16. Абдигалиева Г.К, Каипова Ж.Қ. Ауған есірткі тасымалының Орталық Азияның аймақтық қаіпсіздік жүйесіне әсері. FTAMP 11.25.40 Journal of Philosophy Culture and Political Science. 2019. №1 (67). ISSN 1563-0307

17. Erlan Karin, "Central Asia: Facing Radical Islam," *Russie .Nei.Visions* 98 (February 2017): 22

18. Малышева Д. Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. №. 8. С. 14-23.

19. Аманбекова Ш. Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии. *Постсоветские исследования*. 2019. 2(3), 1103-1110.

УДК 31(316)
МРНТИ 11.15.89
F22, J24

Ергенболатқызы Айгерім

м.с.н., ведущий менеджер Центра прикладных исследований Института прикладных этнополитических исследований
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
e-mail: yergenbolataiko@gmail.com

«НЕЗНАКОМАЯ РОДИНА»: ЧТО ВОЛНУЕТ РЕПАТРИАНТОВ?

Аңдатпа. Бұл мақалада Қазақстанға көшіп келгеннен кейінгі репатрианттардың экономикалық және әлеуметтік интеграциясы, әлеуметтенуінің өзекті мәселелері қарастырылады. Мақалада әлеуметтанулық зерттеу нәтижелері бойынша анықталған бірқатар мәселелер көрсетілген. Зерттеу 2021 жылы Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтымен жүргізілген. Зерттеудің мақсаты Отанына келген репатрианттардың өзекті мәселелерін зерттеу болып табылады.

Түйін сөздер: репатриант, Тарихи Отан, бейімделу, интеграция, әлеуметтену

Abstract. This article discusses relevant issues of economic and social integration, socialization of repatriates after their immigration to Kazakhstan. The article presents a number of problems that were identified by the results of a sociological study. The study was conducted by the Institute of Applied Ethnopolitical Studies in 2021. The purpose of the study is to study the current problems of repatriates upon arrival at home.

Key words: repatriate, historical homeland, adaptation, integration, socialization

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы экономической и социальной интеграции, социализации репатриантов после их иммиграции в Казахстан. В статье представлен ряд проблем, выявленных по результатам социологического исследования. Исследование проведено Институтом прикладных этнополитических исследований в 2021 году. Целью исследования является изучение актуальных проблем репатриантов по прибытии на Родину.

Ключевые слова: репатриант, историческая родина, адаптация, интеграция, социализация

Введение

В данном исследовании объектом выступили репатрианты старше 18 лет, проживающие в каждом из 17 регионов Казахстана.

Задачи исследования: определить актуальные для репатриантов проблемы с учетом факторов их социальной дифференциации; проанализированы этнокультурные особенности общности репатриантов в сравнении с традиционной культурой местного населения.

Исследование является комплексным, в нем были применены несколько видов метода сбора данных: количественный (массовый опрос), качественный (глубинные интервью).

Современное казахстанское общество представляет собой все более усложняющуюся структуру, в которой появляются новые социальные группы и страты, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. С момента обретения независимости в Казахстане проводилась политика репатриации соотечественников, покинувших родину по разным причинам. На сегодняшний день репатрианты являются в этносоциальной структуре государства значимой социальной группой. Они оказывают влияние на развитие общественного мнения, касающиеся актуальных вопросов государственного языка, ономастики и др., особенно среди казахской части населения.

Основная часть

По данным статистики официальных органов с 1991 года по 2020 год в Казахстан переехало более 1 млн. этнических казахов [1]. Переселение этнических казахов на историческую родину происходит преимущественно из Узбекистана, Монголии, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана, Китая и России, а также Ирана, Турции, Афганистана, Пакистана. Некоторое число оралманов прибывает из других стран СНГ, Восточной Европы, Дании и Израиля, но в гораздо меньшем количестве [2].

Несмотря на то, что государство всячески поддерживает процесс адаптации и интеграции этнических казахов на исторической родине, по-прежнему остаются актуальными вопросы экономической и социальной интеграции, социализации после их расселения в регионах страны. Этому свидетельствуют результаты различных исследований по изучению положения репатриантов в Казахстане, проводимых государственными и международными исследовательскими структурами [3].

При переезде на историческую Родину, репатрианты сталкиваются с разными трудностями, которые негативно отражаются на процессе их адаптации. Важную роль занимает характеристика степени «удовлетворенности своей жизнью». В соответствии с теорией адаптации Б.Хеди и А.Уиринга [4], события в жизни оказывают довольно сильное, но кратковременное влияние на уровень субъективного благополучия, а затем происходит адаптация и возврат к прежнему уровню.

По результатам социологического исследования, проведенного Институтом прикладных этнополитических исследований в 2021 году [5], для репатриантов актуальны следующие проблемы:

– в первую очередь, **дороговизна продуктов первой необходимости (51,2%)**. По данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, с начала 2021 года цены на социально значимые товары повысились на 10,3% [6]. Это свидетельствует о том, что актуальность дороговизны продуктов первой необходимости является общей как для репатриантов, так и для местных жителей. Данная проблема может быть серьезной угрозой для дальнейшего недовольства со стороны репатриантов и местных жителей. Дороговизна продуктов наиболее актуальна для репатриантов Западно-Казахстанской (80%), Павлодарской (74%) областей, г. Астана (63,5%), Северо-Казахстанской области (57%);

– **низкая заработная плата, пенсия, пособия (51,2%)**. Актуальность проблемы низкой заработной платы, пенсий и пособий может быть обусловлена следующими факторами: во-первых, доходы репатриантов от самостоятельной занятости в основном нестабильные, также размер оплаты труда у переехавших низкий, потому что источниками их доходов, в большинстве, являются бизнес, подсобное хозяйство и доходы от наемной занятости; во-вторых, репатрианты сталкиваются с проблемой по назначению пенсии. Причинами являются отсутствие документов у репатриантов либо наличие ошибок в них, исправить которые многие не имеют финансовых возможностей. Эта проблема наиболее актуальна для репатриантов Павлодарской (92%), Жамбылской (78,0%) областей, гг. Шымкент (72,0%) и Астана (70,0%), Костанайской (66,7%) и Кызылординской (63,0%) областей;

– **усиление карантинных мер (28,7%)**. В настоящее время для репатриантов карантинные меры выступают сдерживающим миграцию фактором. В рамках карантинных мероприятий, введенных в связи с COVID-19, были закрыты границы, вынужденный переход на онлайн обучение детей, соблюдение социальной дистанции. Все это негативно воздействовало на адаптацию и интеграцию позже прибывших репатриантов. Также на актуальность данной проблемы среди прибывших соотечественников могло повлиять то, что с применением ограничительных мер, их уровень жизни снизился из-за потери рабочего места и стабильного дохода, у многих снизился размер заработной платы. Результаты исследования показывают, что усиление карантинных мер является актуальной для репатриантов Туркестанской (44,6%), Актюбинской (39%), Акмолинской (35%), Жамбылской (34,9%) областей, г. Астана (34%);

– **высокий уровень коррупции (18,3%)**. Проявление коррупции также является одной из проблем, с которыми репатрианты сталкиваются после переезда в Казахстан. По мнению самих репатриантов, существуют коррупционные факты на местах и даже имеются негласные расценки для устройства на работу. Репатрианты

после переезда в Казахстан чаще столкнулись с проявлениями коррупции в г. Шымкент (64%), Акмолинской (38%) и Туркестанской (28,8%));

– **невозможность устроиться на работу по специальности (14,4%)**. Незнание языков, невостребованность на рынке труда по ранее полученной профессии и сложность подтверждения дипломов – основные причины того, что репатрианты не могут трудоустроиться. Слабое знание или незнание языков (казахского и русского) как со стороны репатриантов, так и со стороны принимающего общества могут быть основными барьерами для успешной интеграции в местное сообщество. Уровень образования и квалификации самих репатриантов и недостаточная информационно-разъяснительная работа с репатриантами при их переезде и обустройстве на местах также могут быть причиной высокого уровня безработицы среди репатриантов. С вышеуказанными проблемными вопросами репатрианты в основном справляются самостоятельно или при помощи родственников и знакомых.

Результаты исследования показали, что для репатриантов наиболее актуальны вопросы адаптации к языковой среде, а именно: незнание или слабое владение русским языком, различие письменного казахского языка, затруднения в коммуникации с местными жителями. Также репатриантами были указаны проблемы государственного языка. К примеру, респондент, прибывший из Китая, отмечает различие алфавита (төте жазу), что создает языковой барьер между репатриантами и местными казахами.

Қытайда туылғандықтан, сол жақта оқып, біраз жұмыс істеген күннің өзінде де жазу мәселесінен қиналады. Яғни, ол жақта жазу бөлек, андай арабша сияқты төтеше жазу дейді, сосын Қытай әріптерімен деп айтады. Осында келген кезде өзіміздің қазақ әріптерімен, әліпбимен оқығанда кішкене қиындық туындаған екен. Бірақ енді менің аталарым осы жақты біледі екен. Өзімнің әке-шешем сол жағынан кішкене қиналған. Пока бір 3-4 жыл өткенге дейін әлі жазуды, оқуды, орыс тілі сияқтылардан қиналған.

Мужчина, 23 года, репатриант из Китая, Восточно-Казахстанская область

Жалпы тіл білмедік қой, мысалы қазақ тілін меңгере алмадық, ол жерде түркімен тілінде болдық та, қазақ тілін көп меңгере алмадық. Жаңағы мектепке, садикке барған кезде сол садикке бара алмай кішкене қиналып қалдық та. Біршамаға дейін акцентпен сөйледік. Енді ешкім өйтіп кеміткен жоқ, бірақ өзімізге қиындау болды. Тіл мәселесі кішкене қиындау болды.

Женщина, 34 года, репатриант из Туркменистана, Мангыстауская область

По прибытии на родину, при устройстве на работу, детей в учреждения дошкольного и школьного образования репатрианты сталкивались с проблемой государственного языка, потому что в стране исхода они не изучали казахский язык. Данная проблема затрагивалась в работе «Эволюция языковой политики Казахстана: проблемы и перспективы», где говорилось, что многие репатрианты, по

прибытии в Казахстан сталкиваются с диалектными различиями казахского языка. К тому же системы письменности репатриантов отличались от страны исхода: казахи из Китая пользуются латиницей либо арабской графикой, из Турции – только латиницей, из стран СНГ – кириллицей [7]. Стоит отметить, что возникновение проблемы государственного языка не означает, что репатрианты не знают своего родного языка, скорее всего, проблема больше связана с письменным казахским языком. Во-первых, большая часть репатриантов не пишет на государственном языке на кириллице, во-вторых, в стране исхода они не изучают родной язык. Основной проблемой после переезда на историческую родину выделяют незнание русского языка в большинстве выходцы из Узбекистана, Монголии и Туркменистана, так как это нередко создает напряженные ситуации с местными жителями.

Көбіне қандастарда проблема тіл жағынан ғой. Қазақ тілі, мысалы, кез-келген жерімізде переводчик болса, түсіндіре алмай тұрып, қате беріледі ғой. Сол үшін қатесіз болу үшін әр жерде переводчик болса екен деймін өз ойларын толық жеткізу үшін.

Женщина, 36 лет, репатриант из Узбекистана, г.Рудный, Костанайская область

Огромную роль в формировании гражданской идентичности оказывают языковые предпочтения как репатриантов, так и принимающего социума. Язык является ядром формирования этнокультурной и гражданской идентичности [8]. Однако в последние два десятилетия в мире происходят активные процессы взаимопроникновения, слияния и интеграции культур, которые приводят к размыванию или формированию новых вариаций идентичности. Этнокультурной особенностью репатриантов является их полиязычность. При этом репатрианты сталкиваются со сложностью межэтнического взаимодействия в повседневной жизни, так как языком межэтнической коммуникации в казахстанском обществе, в большей степени, выступает русский язык. В регионах, где местное и коренное население в основном разговаривает на русском языке и не владеет государственным языком больше встречаются проблемы на фоне языкового вопроса. Возникающие трудности со знанием языка могут отражаться на их интеграции с местным населением и привести к социальному дистанцированию. В южных регионах страны, где преимущественно разговаривают на казахском языке, языковой барьер является менее проблематичным.

Жасыратыны жоқ, алғашқы кезде орыс тілі мәселесінен кішкене сәл қиыншылықтар кездескен, бірақ та өзіміз де қазір тұрғасын бейімделіп, орысша үйренгеннен кейін, осы қиыншылықтардың барлығы жойылды.

Женщина, 45 лет, репатриант из Монголии, учитель, Павлодарская область

С языком да. Были проблемы, так как тут, в нашем регионе, преобладает именно русский язык. Тем более в то время практически все было на русском, а родители, к сожалению, русский знали на очень-очень таком... низком уровне. Было, конечно, некоторое непонимание того, что они не понимали, их бывало не понимали. По менталитету, конечно, в Узбекистане было все строго. То есть наш менталитет был более строже, это сейчас у нас он мягче и в некоторых моментах мы понимаем, что это слишком строго, что можно в принципе немного отпустить.

Женщина, 18 лет, репатриант из Узбекистана, Костанайская область

Вместе с тем, как еще одна проблема отмечались и различия в менталитете, что вызывало непонимание между репатриантами и местными жителями. В свою очередь, репатрианты отмечают, что с изучением русского языка, данные трудности были устранены. Помимо этого, при выборе региона прибытия одну из важных ролей играют природно-климатические условия места переселения. Зачастую репатрианты стараются выбирать регионы, в которых климатические условия наиболее близки к условиям в прежнем месте проживания. Но выделяемые государством квоты приема репатриантов ограничивают их в выборе региона, так как для расселения соотечественников действует региональная квота только в Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Костанайской, Павлодарской, Акмолинской областях (Атырауская и Западно-Казахстанская области не подали заявок) [9].

Бірінші көшіп келгенді қиындау болды бізге. Маған қиын болды деп айтпаймын. Менің жерлестеріме, қандастарымызға, өте шулы жерге келгенде де, климат ауыстыруға қиын болды. Осы бәрі адамға психологический әсер етеді ғой. Сонымен көшіп келгенде Рудный қаласының өзінде 90% орыс болды. Сондай жағдайға тап болды.

Мужчина, 47 лет, репатриант из Узбекистана, Костанайская область

Менталитет, народ лояльный, относится ко всем национальностям спокойно, нет никаких межнациональных как говорится конфликтов, или ещё что-то такое, вот, поэтому ну как-то так.

Женщина, 28 лет, репатриант из Китая, ЗКО

Так, были репатрианты, которые переживали некие морально-психологические трудности, связанные с климатическими, культурными факторами, которые отличаются от их прежнего места проживания. В ходе исследования, большинство репатриантов отмечали, что испытывали чувство страха перед неизведанным, но в ходе длительного проживания на новом месте репатрианты перенимают и адаптируются под ценностные ориентиры, культурные особенности и нормы местного сообщества.

По результатам социологического исследования можно увидеть, что адаптация проходила легче и особых сложностей не испытывали выходцы из Туркменистана (71,9%), Монголии (61,5%), Узбекистана (53,6%). Это может быть связано со схожестью

языковых, культурных и климатических условий, что помогает репатриантам быстрее адаптироваться к местным условиям жизни. Тогда как выходцам из России (53,4%) и Китая (44,5%) привыкнуть было немного сложнее. Скорее всего это связано с тем, что интенсивность репатриации из России и Китая ниже по сравнению с другими странами.

Социологические исследования Института позволили сделать вывод о том, что репатрианты расселяются вместе и компактно. Как во внутренних, так и во внешних переселениях репатриантов важную роль играет наличие родственников в данной местности. В основном они расселяются по принципу «социальных сетей», поближе к ранее приехавшим в Казахстан родственникам и знакомым. Такой вид поселения дает им возможность быстрее адаптироваться в новом месте. Как показывает практика репатриации этнических казахов в Казахстан, на выбор региона проживания влияют несколько основных факторов, таких как: наличие сильных (родные, родственники и т.д.) и слабых (друзья, знакомые и т.д.) связей, выбор сообщества со схожими этнокультурными особенностями, социально-экономические условия жизни, географическое расположение и климат.

Қандастардың бейімделуіне оң әсер ететін жайт – ол сондай өздері сияқты қандастардың дұрыс ортаға тап болуы, яғни өздері сияқты қандастардың шоғырланған жерінде немесе сондай қандас таныстары бар адамдар шоғырланған жерге көшіп тұруы. Ал теріс әсер ететін жайт – ол дұрыс емес ортаға тап болуы, яғни бұл жерде де ортаға байланысты, яғни көшіп келген ортада шоғырланған адамдар қандастарды қазақ өкілі деп санамауы болып табылады.

Женщина, 25 лет, репатриант из Узбекистана, Актюбинская область

Исследование позволяет сделать вывод, что вследствие развития взаимной помощи и поддержки формируется и развивается закрытая общность репатриантов. Компактное расселение приезжих в одном районе или на одной улице придает им особый «статус» и выделяет среди местного населения. Обособленный образ проживания репатриантов приводит к их изоляции от местного сообщества. Отсутствие коммуникации формирует культурный вакуум, в котором развиваются различные смыслы, стереотипы негативного характера в отношении друг друга. Это может привести к проблемам компактного расселения, так как сдерживает быструю адаптацию репатриантов в местное сообщество.

Для повышения эффективности работы государственных органов и для устойчивого развития государства необходимо равномерное распределение или расселение репатриантов. Диспропорция расселения населения на территории способна привести как к социально-экономическим проблемам, так и к различным конфликтам (включая межэтнические), обострению криминогенной обстановки, социальному напряжению среди общества и к другим негативным последствиям. От размещения рабочей силы, человеческого потенциала населения зависит не только развитие рынка труда, рынка сбыта, но и развитие общества в контексте

социокультурного и межэтнического взаимоотношения и в гармоничном течении данный процесс дает мощный импульс для развития интеркультурализма.

Выбор региона расселения репатриантов в основном идет через «сарафанное радио». Так, переехавшие ранее делятся информацией с родственниками и знакомыми и приглашают их в свой регион. Также высока роль НПО, которые работают с репатриантами в информационном освещении вопросов переезда и адаптации в регионах Казахстана (в том числе и в северных областях, где имеются льготы для переселенцев по квоте). При расселении они ориентируются на те районы, где уже проживают их родственники, земляки, а также, где есть возможность трудоустроиться по специальности.

Американский социолог Р.Мертон выделяет три отличительных признака социальной группы – взаимодействие, членство и идентичность, определяя ее как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей [10]. Возвращаясь на историческую родину, репатрианты по началу осознают себя «другими» и испытывают так называемый стресс социально-психологической адаптации к традициям, привычкам, образу жизни и культуре другой страны, который вызван этнокультурными различиями, являющимися следствием длительных межэтнических контактов и этнокультурных взаимодействий групп казахского населения, проживающих за пределами Республики Казахстан [11]. Несмотря на существующие различия следует отметить, что в процессе адаптации этническим репатриантам в современном казахстанском обществе необходимо освоить новое социокультурное окружение. В процессе чего и образуется психологическая, культурная дистанция между местным населением и приезжими.

Важную роль в адаптации репатриантов занимает характеристика степени «удовлетворенности своей жизнью». В данном случае «удовлетворенность» определяется после прошедшего важного события в жизни (переезда на историческую родину) с помощью сравнения своего нынешнего состояния с собственным прошлым [12]. По итогам социологического исследования и согласно теории адаптации Б.Хеди и А.Уиринга, можно сделать вывод, что на сегодняшний день репатрианты считаются отдельной социальной группой не только от отдельных этнических групп, но и от казахов. Так как существуют определенные социокультурные различия, связанные с формированиями социальной структуры казахского народа в современном казахстанском обществе и его локальных групп за ее пределами [13].

Под этнокультурными особенностями в широком смысле подразумеваются разные способы видения окружающей среды. То есть, мировоззрение, культурные и социально-экономические параметры соплеменников, возвращающихся в Казахстан из близлежащих стран, кардинально отличаются от местного населения. На это влияние оказывают несколько факторов:

– *Длительное проживание за пределами исторической родины.* Изучение истории Казахстана прошлых веков показало, что этнические казахи вынужденно покинули родные края в результате различных политических событий, оказавших значительное влияние на миграционные процессы казахов. В ходе совместного проживания на территории принимающей страны репатрианты в процессе адаптации и интеграции в новом социуме привили в себе их ценности, нормы и культуру.

– *Обособленное проживание предоставляет этносам возможность сохранить свою этническую самобытность.* У компактно расселенных этнических групп, проживающих вне территории исторической родины, на первый план выходит этническая составляющая (традиции, обычаи, социальные нормы, ценности и т.д.). Как показывают результаты проведенных за годы Независимости исследований, репатрианты относят себя к носителям традиционной казахской культуры, где каждая норма исходит из их традиционных взглядов и ограничений. Например, чаще всего репатрианты выступают противниками межэтнических браков либо предпочитают заниматься традиционным для казахов видом деятельности.

Если социальные группы не только объединяют людей вокруг каких-либо интересов, но также в результате взаимодействий приводят к определенным результатам, то для урегулирования и прогнозирования дальнейших действий необходимо изучать их особенности. Изучение социальных групп в сообществе репатриантов позволит определить их особенности, ценности, гражданскую позицию и доминирующие в их сознании идентичность, что, в свою очередь, предоставит возможность понять их изнутри и способствует повышению эффективности работы по регулированию их проблемных вопросов и прогнозированию их дальнейших действий.

Язык является непосредственным механизмом регуляции деятельности людей в различных сферах и выявление языковых предпочтений репатриантов играет значительную роль при исследовании процессов их языковой социализации в современном казахстанском обществе. В данном процессе репатрианты выявляют собственные языковые предпочтения, которые выступают одним из факторов, определяющих их принадлежность к одной из групп конкретного социума.

Результаты данного исследования позволяют охарактеризовать репатриантов как полиязычных. Наряду с родным казахским, репатрианты владеют языком страны исхода, а также занимаются изучением русского языка. Высокий уровень владения репатриантами казахским языком подтверждает факт сохранения ими своей этнической самобытности.

Подводя итоги, можно отметить, что на сегодняшний день в Казахстане не полностью функционируют механизмы адаптации и интеграции репатриантов. Адаптация происходит с определенными сложностями, нет должной полноценной поддержки со стороны государственных органов и местного населения. А также не сформирован четкий механизм адаптации мигрантов после получения

Казахстанского гражданства. Ввиду отсутствия четких алгоритмов и механизмов политики адаптации и интеграции репатриантов крайне сложно определить критерии и степень адаптации репатриантов к местной среде. Для более быстрой адаптации и укрепления взаимодействия репатриантов с местным населением в повседневной жизни рекомендуется создание виртуальных (веб-сайтов и блогов) и физических (ярмарок, парков, клубов, спортивных комплексов) «зон контакта». Например, совместно с другими регионами организовать ярмарку дружбы, где репатрианты, приехавшие из разных стран могут демонстрировать свою материальную культуру.

Список источников и литературы:

1. Ведомственные данные МВД РК., Министерства труда и социальной защиты населения РК.
2. Абдигалиева Г.К., Камалдинова А.А. Социально-политическое положение оралманов в Казахстане/ Вестник КазНУ. Серия философия. Серия культурология. Серия политология. №1 (50). 2015
3. Положение оралманов в Казахстане. Обзор. Алматы, 2006 г.
4. Сосуществование этнических групп в Казахстане. 2017 г.
5. Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизни и определяющих ее фактор. Мониторинг общественного мнения №5 (99), 2010. С. 189-215.
6. Социальная дифференциация репатриантов, Социологическое исследование / Нур-Султан: Институт прикладных этнополитических исследований, 2021. С. 166.
7. Алымова А.С. Эволюция языковой политики Казахстана: проблемы и перспективы/ Екатеринбург, 2021. С. 60.
8. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – www.stat.gov.kz.
9. Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизни и определяющих ее фактор. Мониторинг общественного мнения №5 (99), 2010. с. 189-215
10. Андрееenkova А.В., Андрееenkova Н. В. Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ)/ Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: сравнительный анализ/ Дискурс №1/ 2019№
11. Абильдина Г.С. Социокультурная и языковая адаптация детейрепатриантов в условиях современного Казахстана. г. Астана. 2017.
12. <https://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-gruppy.html>
13. Гармаева Т.В. Особенности этнической идентичности младших школьников и подростков, проживающих в мегаполисе // Воспитание школьников. – 2008. – №6 . – С. 11.
14. «Об определении регионов для расселения оралманов и переселенцев» Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 октября 2021 года №

767/ О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан от 18 февраля 2016 года № 83. [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/retQ2> (дата обращения: 29.06.2021).

15. Актуальные проблемы адаптации и интеграции репатриантов: сборник материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.Е. Агманова. – Астана: Изд-во ТОО «KazServicePrint LTD», 2017. – 220 с.

УДК 00(005)
МРНТИ 03.01.07
D8

Жусупова Айман Сабитовна

к.п.н., руководитель проектов в Eurasian Center for People Management, член Научно-экспертного совета АНК

г. Нур-Султан, Республика Казахстан

e-mail: aimana1981@gmail.com

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСОВ НАЦИОНАЛИЗМА В
СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аңдатпа. Бұл мақала ұлтшылдық, ұлтшылдық риторика және көзқарастар мәселелерін зерттеудегі ең тиімді тәсілдер болып табылатын қазіргі сандық және сапалық әдістерге шолу болып табылады. Сонымен қатар, ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың және, ең алдымен, әлеуметтік желілердің әсерінің артуымен басты назар осы кеңістіктегі дискурсты зерттеу жазықтығына ауысады. Әлеуметтік желілердегі ақпарат көбінесе эмоционалды жауап алуға, талқылауға тікелей қатысуға бағытталған, бұл ақпараттың жылдамдығы мен қарапайымдылығына, анонимділігіне ықпал етеді. Сондықтан, көп ұлтты қоғамдардағы шетелдік тәжірибеде әлеуметтік желілердегі мазмұнды мұқият зерттеуге үлкен мән беріледі, жазалаудың маңызды жүйесін қарастыратын «жек көру тілі» термині пайда болады.

Түйін сөздер: ұлтшылдық, әдіснама, зерттеу әдістері

Abstract. This article is a review of the most effective quantitative and qualitative contemporary methods used for studying the research issues such as nationalism, nationalist rhetoric and attitudes. At the same time, with the growing influence of information and communication technologies, and, first of all, social networks, the main attention is shifting to the discourse study plane in this particular area. Information in social networks is often aimed at obtaining an emotional response, keen involvement in the discussion, which is facilitated by the promptness and simplicity of providing the information, and anonymity.

Therefore, great importance is attached in foreign practice in multi-ethnic societies to a thorough study of social networks content, and this gave rise to «language of hatred» term, which provides for a significant system of punishments.

Key words: nationalism, research methods, methodology

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор количественных и качественных методов, которые являются наиболее эффективными подходами в изучении вопросов исследования вопросов национализма, националистической риторики и установок. При этом, с ростом влияния информационно-коммуникативных технологий, и, в первую очередь, социальных сетей, основное внимание смещается в плоскость изучения дискурса именно в этом пространстве. Информация в социальных сетях зачастую направлена на получение эмоционального отклика, живого вовлечения в обсуждение, чему способствует быстрота и простота подачи информации, анонимность. Потому в зарубежной практике в полиэтнических обществах большое значение придается тщательному изучению контента в социальных сетях, появляется термин «язык ненависти», который предусматривает значимую систему наказаний.

Ключевые слова: национализм, методология, методы исследования

Введение

В современном мире развитие этнополитического конфликтологического знания приобрело особую жизненно важную актуальность. Это связано с рядом новых факторов, действие которых отчетливо проявилось в политической жизни народов мира за последние полвека.

Число конфликтогенных этнополитических факторов неуклонно растет под воздействием таких всемирных процессов, как глобализация, модернизация, массовые миграции населения, угрозы глобальной устойчивости из-за растущего дефицита природных ресурсов и обострения экологических проблем.

Значение имеет и то, что в наши дни количество полиэтничных государств возрастает, также как возрастают уровень полиэтничности многих государств, что обусловлено, в том числе, возрастанием масштабов миграции в мире.

Актуальность проблематики национализма, национал-патриотизма не могла не сделать их предметом многочисленных исследований. Вопросы национализма, патриотизма стали предметом изучения многих наук, это и психология, политология, социология, история, философия и, безусловно, конфликтология. Более того, с каждым годом число научных работ, посвященных данной проблематике, постоянно увеличивается.

Если говорить об академической науке в этой сфере, то ведущими научными журналами в этой области являются такие журналы как «Patterns of Prejudice» («Конфигурации предрассудка»), «Journal for the Study of Radicalism» («Журнал

изучения радикализма»), «Ethnic and Racial Studies» («Этнические и расовые исследования»), «Totalitarian Movements and Political Religions» («Тоталитарные движения и политические религии»), «Nationalism and Ethnic Politics» («Национализм и этническая политика») и «Nations and Nationalism» («Нации и национализм»).

К настоящему времени в мировой практике сложилось несколько различных методологических подходов к исследованию вопросов национализма, националистической риторики и установок.

Качественная методология исследований

Как показывает анализ, большинство эмпирических исследований национализма — это исследования отдельных случаев национализма с использованием качественных методов. Как и всем научным методам, качественной методологии исследования свойственны как преимущества (углубленное изучение уникальных проявлений национализма и сравнение их проявлений), так и ограничения (субъективность работы с данными на всех этапах исследования и проблемы с обоснованием полученных результатов) качественных методов. Главное достоинство качественных исследований — выявление новых критериев для сравнения, которые еще не фигурируют в теориях национализма и поэтому не поддаются операционализации для количественных исследований. Другим преимуществом данной методологии является то, что качественные критерии сравнения конструируются не на языке исследователя, а на языке изучаемого феномена. В фокусе сравнения качественных исследований национализма находится сравнение не степени его выраженности, а различных форм его понимания и обозначения.

Причина превалирования качественных методов исследований данного феномена состоит в том, что социальный анализ находится на стыке социологии и истории. Аргументация посредством исторических примеров используется сторонниками всех направлений в исследованиях национализма, хотя может относиться к различным периодам — всей истории или только современной. Разногласия начинаются там, где возникает вопрос о выборе метода социологического исследования, который позволяет работать с историческим материалом. Основная проблема в качественном историко-социологическом исследовании национализма — выбор исторических источников. Для ее решения следует принимать во внимание особенности историко-социологического качественного исследования.

Наименьшие методологические трудности в качественных социологических исследованиях национализма возникают при обращении к истории современности. Это может быть изучение повседневных проявлений национализма методом включенного наблюдения; устной истории - методом глубинного интервью или проявлений национализма в разных формах публичного дискурса - методами дискурсного и нарративного анализа. Важно, чтобы исследование выходило за пределы простой иллюстрации конкретной теории национализма или общей идеи о

том, что национализм является социально сконструированным. Как и любое другое исследование, изучение национализма должно способствовать приращению нового знания. Для этого необходимо тщательно соблюдать все требования к выбранному дизайну исследования и стремиться к поиску новых возможностей работы с имеющимся материалом.

Метод интервью

Вопросы наций и национализма в качественной методологии изучаются методами формализованного, полужформализованного и неформализованного интервью. В частности, объектом таких исследований может являться самопрезентация членов национал-патриотических групп. Отбор респондентов для исследования осуществляется исходя из личной самоидентификации в качестве националиста или национал-патриота. Для полноты анализа и максимально широкой репрезентации внутригрупповых дискурсов национализма опрашиваются респонденты, придерживающиеся различных националистических взглядов, начиная от «умеренных» националистов и заканчивая национал-патриотами ультрарадикального толка. Ключевыми индикаторами в таких исследованиях выступают этническая и расовая идентичности, конструирование собственной идентичности, составляющие собственно идентичности и связанные с нею образы, мотивы участия в национал-патриотических движениях, отношение к лозунгу, отношение к другим этносам, проживающим в стране, готовность использовать силу для получения властных ресурсов и т.д. [8].

Количественный и качественный контент анализ публикаций в печатных СМИ

В рамках качественной методологии контент-анализа материалами выступают публикации в СМИ. Методика анализа предполагает отбор изданий исходя из их региональной принадлежности, материалов газет за определенный период, а также публикаций, так или иначе связанных с проблематикой национализма. Отбор материалов обычно основывается на ключевых выражениях, как «националистические движения», «националистические партии», «скинхеды» и т.д.

Критический дискурс-анализ

Под националистическим дискурсом в исследованиях обычно понимается вербально артикулированная форма объективации содержания человеческого сознания в отношении вопросов этничности, нации или расы, регулируемая доминирующим в социокультурной традиции типом политической рациональности: 1) призывающей к политике ассимиляции и / или аккультурации в рамках построения единой гражданской нации; 2) призывающей к политике сегрегации и изоляционизма для улучшения положения одного этноса (нации).

Этот подход базируется на трёх аспектах: дискурсивной практике, социальном контексте и тексте. Под дискурсивной практикой в исследовании понимается процесс «создания» текстов и практика артикуляции определёнными

тематическими терминами. Например, изучая эмпирический материал – газетную статью, скрипт выступления политика – исследователь может проследить определённую интертекстуальную или связывающую цепочку, которая выражает определённые идеологические аспекты. При анализе интертекстуальной цепочки можно увидеть, как подвергается трансформации структура и содержание паттернов конструирования текстов (или выступлений), как влияет социальный контекст и влияет ли он на формирование дискурса. При изучении эмпирических данных дискурс-аналитик может изучить не только заимствования из каких-либо текстов, но и заимствования из каких-либо дискурсов, артикулирующих через свою призму какую-либо идеологическую идею – то есть степень интердискурсивности того или иного источника информации (будь то текст статьи или скрипт интервью). Под интердискурсивностью понимается процесс использования терминов из различных дискурсов с целью артикуляции (конструирования) какого-либо одного дискурса. Изучение интертекстуальности позволяет проследить не только цепочки заимствований из различных дискурсов, но и даёт возможность отыскать конкретные документы, из которых производилось заимствование. Эмпирическими объектами могут выступать преподавательские практики (дискурс в данном аспекте рассматривается как речевая практика), контент националистических медиа (дискурс в данном аспекте рассматривается как текст), корпус правовых текстов (дискурс в данном аспекте рассматривается как контекст).

Текстовый (или лингвистический) анализ позволит разобраться в механике идеологического манипулятивного влияния, которое может осуществляться с помощью текстов. Например, за единицу анализа могут быть взяты различные метафоричные элементы текста. Также анализу может быть подвержена грамматика (авторские запяты, конструкция предложения, стилистические особенности). Анализу также может быть подвержен выбор слов, которые используются в интервью или статье.

Социальный контекст дискурс-анализа является важной частью критического дискурс-анализа. Так может осуществляться описательный анализ программных политических документов и законодательства, в рамках которого происходит строительство дискурса и рассматриваются эти рамки через призму критического дискурс-анализа, т. е. социальный контекст редуцируется к официальным документам, которые образуют официальный дискурс.

Контент-анализ социальных сетей и блогосферы

На сегодняшний день все большую значимость приобретает изучение настроений в социальных сетях. Особое значение при этом придается профилактике экстремизма, для чего к работе привлекаются экспертные, экспертно-аналитические, научно-экспертные организации, занимающиеся вопросами изучения экстремизма и сочетающие свои методы работы с культурно-воспитательной, культурно-просветительской деятельностью.

Социально-экспертная профилактика экстремизма направлена на формирование критического отношения к любому проявлению деструктивного поведения; формирование толерантного отношения к поликультурному, поликонфессиональному многообразию посредством компетентных экспертных оценок и глубокого экспертно-аналитического анализа.

Социально-экспертный уровень позволяет посредством компетентных экспертов и экспертно-аналитических служб решать следующие задачи в вопросах профилактики экстремизма:

- мониторинг в социальных сетях и публичных медиа потенциальных экстремистских угроз, организаций;
- выявление круга лиц, потенциально подверженных агрессивному и радикальному поведению;
- установление диалоговых контактов с правоохранительными органами, иными субъектами профилактической работы и носителями радикальных идей;
- экспертная оценка профилактической работы и разработка практических рекомендаций для совершенствования инструментария и методов профилактической деятельности;
- экспертное разъяснение политических, экономических и иных социальных мотивов, выступающих причинами экстремистской пропаганды и проявления деструктивного поведения.

Социально-экспертная профилактика, широко применяемая в мировой практике, позволяет решить следующие проблемы:

- на первичной стадии, когда возникают внешние условия для потенциальной экстремистской активности (мониторинг контента социальных сетей, СМИ, протестных настроений и их мотивов);
- на вторичной стадии, под которой понимается работа с наиболее уязвимыми социальными группами, находящимися в зоне риска, с низкой правовой культурой и социальной ответственностью;
- на третичной стадии, анализ и экспертное изложение причин, приведших к проявлению экстремизма, разработка методологического инструментария для дальнейшей профилактической работы.

Социально-экспертная профилактика опирается на синтез всего накопленного исторического опыта мирного сожительства народов и современные профилактические технологии, позволяющие закрепить на массовом и индивидуальном уровне толерантные установки.

На сегодня одним из наиболее эффективных путей распространения экстремистских идей является интернет, в силу ряда причин, в том числе быстроты и простоты подачи информации, горизонтальности связей.

Потому в зарубежной практике в полиэтнических обществах большое значение придается тщательному изучению контента в социальных сетях, появляется термин

«язык ненависти», который предусматривает значимую систему наказаний.

При этом поиск информации, относящейся к этому разряду, происходит по нескольким направлениям:

- Поиск информации по ключевым словосочетаниям и отдельным словам. К ключевым словосочетаниям (отдельным словам) относятся вспомогательные слова, устоявшиеся словосочетания, которые вводятся в поисковой строке для получения имеющейся информации. Поиск может осуществляться не только с помощью специальных сервисов и запросов, но и могут применяться отдельные (дополнительные) операции.

- Поиск по аудиофайлам, видеоматериалам связан с поиском мультимедийной информации - вводится запрос, связанный с исследуемой проблематикой.

- Поиск социальных групп (сообществ) – используется для выявления конкретной группы и её представленности в той или иной социальной сети. Главный недостаток – изменчивость названия групп и сообществ.

- Поиск по «хештегам» - поиск при использовании словосочетаний и отдельных слов, перед которыми ставятся специальные символы «#». Главный недостаток – нераспространённость и излишняя субъективизация в использовании «хештегов».

При этом, при систематическом мониторинге контент-ресурсов, важный акцент необходимо делать на выявлении связей, прослеживании определённых узловых связей между организациями, что позволяет выявить вновь зарегистрированные ресурсы. Мониторинг включает в себя, прежде всего, изучение на интернет-странице разделов «контакты», «о нас», «мы в социальных сетях».

- Обнаружение экстремистских сообществ через ленту новостей. Анализ новостных лент и публикаций их на страничках пользователей и служит действенным механизмом при изучении радикализированных элементов общества. Обнаружение экстремистских сообществ через список контактов. Изучение контактов (списка друзей пользователя) позволяет выявить лиц, ведущих активные действия в распространении материалов экстремистской направленности.

- Обнаружение экстремистских сообществ через обмен закладками. Пользователи получают обновления или подписываются на определённые интернет-странички для получения дополнительных материалов. Впервые этот сервис был применён в игровых приложениях для получения дополнительных бонусов и очков.

- Обнаружение экстремистских сообществ через анализ картинок. Данный способ поиска осуществляется посредством системы «Google». В разделе «Картинки» предусмотрена функция, которая позволяет обнаружить похожие ресурсы или изображения, где была размещена данная картинка (фотография). Чем выше качество картинки (фотографии), тем более результативным будет поиск. При обнаружении материала в социальной сети необходимо определить, содержатся ли в нём признаки идеологии экстремизма.

По каким основным признакам следует отслеживать экстремистский контент в социальных сетях? Речь идет о возбуждении конфессиональной, расовой, социальной, национальной или этнокультурной розни. Отличительной особенностью этого признака служит призыв к насильственным действиям: к избиению, нанесению телесных повреждений, убийству представителей конкретной конфессии, национальности, этнической общности. Этот признак следует отличать от проявления конфликтной ситуации на межличностном бытовом уровне, участники которого относятся к различным этническим группам. Экстремизмом этот случай будет только тогда, когда действия приобретут публичный характер и будут направлены на соответствующую этническую группу. К примеру, конкретными словами триггерами как в казахстанском, так и в целом в международном контексте могут выступать слова «убить», «уничтожить», «изгнать», которые направлены на представителей тех или иных этнических групп. Тем не менее, каждый случай носит свой уникальный характер, иногда разжиганию экстремистских настроений служит какое-то конкретное событие и отслеживать ключевые слова стоит в привязке к этому событию.

Пропаганда идей расовой, социальной, национальной или этнокультурной исключительности (превосходства). Под пропагандой понимается комплексное действие, ориентированное на внедрение в массовое сознание конкретных ценностей и установок. Пропаганда идеологии экстремизма проявляется в том случае, если унижается достоинство этнокультурной общности или требуется изменение объема их гражданских прав и обязанностей.

На правовом уровне выявляются и устраняются причины экстремистской деятельности, а также факторы и условия, способствующие их осуществлению. Основным методом - принуждение, субъектами профилактической деятельности на правовом уровне выступают государственно-правоохранительные органы.

На социальном уровне определяется круг физических лиц, организаций, которые потенциально могут иметь отношение к экстремизму, проводится с ними предупредительная работа. Метод, применяемый на социальном уровне – убеждение. Профильные организации и структуры (социальные и психологические службы, информационные отделы и т.д.) посредством социального убеждения объясняют на доступном уровне причины и негативные последствия от экстремистских преступлений, оказывают по необходимости психологическую помощь.

Кроме перечисленных, в вопросе рассмотрения и анализа национал-патриотических убеждений широко применяется исторический метод исследования, когда в публикациях ученых постепенно воссоздается история возникновения и развития националистических идей, организаций и лиц, сопричастных к этим процессам. Методология исторического метода сконцентрирована на определении подлинности исторических событий, нашедших отражение в текстах. Ключевая цель применения исторического метода состоит в том, чтобы найти реальные факты,

доказать их подлинность и историчность. В исторической науке к первичным источникам относятся прежде всего архивные документы и предметы материальной культуры. Работа с первичными источниками требует, как минимум, свободного владения языком или языками страны, национализм которой анализируется, причем не только современным, но и языком исследуемого периода. Кроме того, материал может потребовать владения вспомогательными историческими дисциплинами, например, палеографией – для работы с памятниками древней письменности.

Также в рамках данной тематики проводятся лингво-культурологические исследования в блогосфере, социальных сетях. В качестве методов исследования используются концептуальный, дефиниционный, прагмалингвистический, контекстуальный, этимологический, семантический и социолингвистический анализ.

Количественная методология

Количественная методология исследований национализма, национал-патриотизма может осуществляться как на основе большой выборочной совокупности, так и на основе малой выборочной совокупности. При этом количественные методы применяются как для проведения мониторинговых и экспресс-исследований, так и в случае кросс-культурных исследований (в рамках нескольких стран). Для начала рассмотрим практики проведения массовых и экспресс-опросов в условиях одной страны.

Экспресс-опросы и массовые опросы

Социологические опросы общественного мнения в форме регулярных мониторинговых мероприятий и экспресс-опросов имеют широкое распространение во многих зарубежных государствах. Так, для выявления националистических и ксенофобских настроений в исследованиях активно применяется шкала социальной дистанции Богардуса. Шкала социальной дистанции Богардуса позволяет измерить психологическую готовность к сближению или, наоборот, к отторжению людей другой национальности или группы независимо от их личностных качеств и особенностей представителей другой национальности. Шкала Богардуса дает возможность определить ту дистанцию в социальных контактах, которую человек желает сохранять между собой и представителями другой/других этнической(их)/ национальностей(ых) групп. Индикатором в подобных исследованиях выступает социальная дистанцированность населения по отношению к представителям каких-либо национальностей.

Костерман и Фешбах провели исследование в США на специальной выборке (N = 239), состоящей в основном из студентов колледжей, которые заполнили опросник патриотизма / национализма из 120 пунктов, чтобы исследовать «многомерность патриотических и националистических взглядов». В результате факторного анализа были определены шесть факторов, составляющих патриотические и националистические взгляды американцев:

1. Патриотизм, то есть общая положительная оценка и влияние на Америку,
2. Национализм, или мнения, связанные с лозунгами «Америка прежде всего» или «Американское превосходство»,
3. Интернационализм, состоял из пунктов, которые относятся к разделению мира или глобальному благосостоянию,
4. Гражданские свободы,
5. Мировое правительство и
6. Самодовольство.

В итоге гипотеза о многомерности националистических взглядов в США подтвердилась, а также о самобытности и независимости националистических, патриотических и интернационалистических взглядов.

Националистические и патриотические установки как формы национальной идентичности изучаются в Германии. На основе национальной репрезентативной панельной выборочной совокупности патриотизм граждан изучался через 3 индикатора - гордость демократическими институтами, поддержка льгот государства всеобщего благосостояния и поддержка политического самоопределения. Операционализация националистических настроений в исследовании была осуществлена через такие показатели как ощущение гордости за страну за ее политическое лидерство, экономические успехи, достижения в спорте и ощущение гордости быть гражданином этой страны в целом.

В качестве другого примера можно привести исследование, проведенное индонезийскими исследователями. В данном случае национализм изучался, исходя из 4-х аспектов: любовь к Родине, готовность к самопожертвованию, единство и выносливость. По содержанию анкета состояла из 12 утверждений, посредством которых учеными была представлена концепция национализма.

Так, любовь к Родине была измерена посредством утверждений:

1. «Я представляюсь иностранцам индонезийцем»,
2. «Я знаю имена и истории индонезийских героев»,

Готовность к самопожертвованию изучалась через следующие утверждения:

1. «Я готов работать и служить в отдаленных районах»,
2. «Индонезии я хочу добровольно помогать жертвам стихийных бедствий Индонезии»

3. «Я готов жертвовать милостыню бедным индонезийцам»

Аспект единства исследовался посредством определения позиций респондентов по отношению к утверждениям:

1. «Мне нравится изучать культуру и язык других регионов или разных этнических групп в Индонезии»,
2. «Мне нравится участвовать в дискуссиях в моем сообществе»,
3. «Я знаю о защите Индонезии»

Индикатор выносливости или привычки «никогда не сдаваться» была воплощена в утверждениях:

1. «Я старательно учусь, работаю и пополняю положительный опыт»
2. «Я уверен, что Индонезия может конкурировать с другими великими странами если я потерплю неудачу»,
3. «Я буду стараться, пока не добьюсь успеха».

В качестве шкалы была использована четырехбалльная шкала Лайкерта (варианты ответов «Абсолютно согласен», «Согласен», «Не согласен», «Абсолютно не согласен»).

Экспертный опрос

Учеными в исследованиях национализма также применяется экспертный опрос. Например, в исследовании российских коллег изучению подлежали артикуляции националистических идей в преподавательских практиках, ведущих дисциплины, так или иначе связанные с этносоциологией. Основанием для предположения о том, что преподаватели могут артикулировать форму объективации содержания человеческого сознания в отношении вопросов этничности, нации или расы, регулирующую доминирующим в социокультурной традиции типом политической рациональности, стала теория символического насилия П. Бурдьё, согласно которой преподаватели вовлечены в процесс символической борьбы и через «педагогический авторитет» и «педагогическое воздействие» при коммуникации на занятиях транслируют «главенствующий» дискурс. Выборка была сформирована по методике «снежного кома» – когда каждый из экспертов называет имя знакомого ему эксперта и так до тех пор, пока круг не замкнется (исследователя не адресуют к первому эксперту).

Психологические методы исследования

Психологический подход направлен на изучение того, как и каким образом люди воспринимают окружающую действительность, связанную со своим и чужими народами (национальными, этническими группами). Начало психологических экспериментальных исследований берет свое начало в конце 1980-х. Ключевыми в этой сфере являются работы американского специалиста по изучению агрессии С.Фешбаха.

В условиях российской действительности научными разработками в сфере психологии национализма и родственных ему явлений занимаются О.Е. Хухлаев, И.М. Кузнецов. Они разработали и апробировали методику для изучения этнонациональных установок. Методика содержит четыре субшкалы: Националистические установки (неприятное отношение к представителям иных национальностей), Патриотические установки (ощущение гордости за свою национальную принадлежность и связи с людьми «своей национальности»),

Нейтральные этнонациональные установки (безразличное отношение к своей национальной принадлежности) и Негативистские этнонациональные установки (отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности). Субшкалы обладают хорошей внутренней согласованностью, а также конфигурационной и метрической инвариантностью. В ходе исследований психологии национализма и патриотизма также изучается влияние ценностей на национализм/патриотизм, влияние национализма, патриотизма на выраженность позитивного отношения к мигрантам и влияние национализма, патриотизма на уровень допустимости насилия на межнациональной почве.

Межстрановые количественные исследования на малой выборке

Межстрановые количественные исследования национализма, национал-патриотизма, основанные на малой выборочной совокупности, включают в себя относительно небольшое количество стран и не предполагает построения моделей на межстрановом уровне. Вместо этого на этапе обработки данных для каждой страны строится модель на индивидуальном уровне, и затем уже на стадии интерпретации проводится сравнение этих моделей. На индивидуальном уровне выборки для каждой страны не являются репрезентативными, но обязательно должны быть эквивалентными, т. е. допускающими возможность сравнения.

Особенности количественных исследований национализма на малых выборках заключаются в следующем:

- Требуется относительно небольшой объем первичных данных, что позволяет самостоятельно организовать и провести их сбор.
- В отличие от количественных исследований с большой выборкой, при анализе малого числа стран появляется возможность их детального сравнения.
- Основной характеристикой данного дизайна является генерирование новых критериев сравнения. Именно они могут стать основным результатом исследования.

Например, в сравнительном исследовании белорусской и литовской национальных идентичностей, проведенном как часть совместного проекта ученых из Беларуси, Литвы и США, выборки для каждой из стран составили по 200 студентов (специальность «международные отношения»), эквивалентных как по исходному, так и по приобретаемому социальному статусу. Разработанная анкета включала в себя 73 пункта. Первичные данные после обработки подлежали факторному анализу и дальнейшей интерпретации.

Основные проблемы количественных исследований национализма на малых выборках возникают при организации сбора данных. Ввиду возможности самостоятельной разработки исследовательского инструментария, исследователю необходимо в первую очередь обосновать созданный опросник. Задача затрудняется многообразием существующих теорий национализма и связанных с ними позиций. В качестве решения этой проблемы нужно, в первую очередь, обозначить собственную позицию в рамках одного из основных направлений и во-вторых, показать, каким

образом из нее логически следуют предложенные формулировки вопросов.

Другой проблемой выступает необходимость обоснования выбора конкретных стран. Первое, что необходимо сделать для ее решения – определить, что находится в фокусе исследования: включенные в него страны на примере их национализма или национализм на примере выбранных стран.

Стоит отметить, что сравнительные количественные исследования национализма на малых выборках должны выходить за пределы простого описания и способствовать приращению объяснительного потенциала теории. Этот результат достигается благодаря вниманию к деталям конкретных проявлений национализма и их обоснованной операционализации.

Количественные исследования национализма на больших выборках

Количественные исследования на больших выборках представляют собой сравнительные кросснациональные исследования, где используется большая выборочная совокупность стран или большие выборки кейсов для каждой страны. При этом объемы таких выборок не определяются конкретным числом, но позволяют экстраполировать полученные в ней результаты на всю генеральную совокупность. Если это исследование национализма отдельной страны, то выборка должна быть репрезентативной для населения страны за обозначенный период времени. Если это кросснациональное исследование, то требование репрезентативности должно соблюдаться как на индивидуальном (для каждой страновой выборки), так и на межстрановом уровне.

Преимущества количественных исследований национализма на больших выборках определяются следующими особенностями: есть возможность рассмотреть каждую страну в широкой сравнительной перспективе и оценить степень ее уникальности/типичности по интересующим параметрам; построение общих объяснительных моделей помогает выявить степень и характер взаимосвязи национализма с другими социальными феноменами; исследования допускают эмпирическую проверку теорий национализма в глобальном масштабе.

Ограничения количественных исследований национализма на больших выборках:

- Необходима база данных, содержащая большую репрезентативную выборку по каждой из стран. Выборки могут быть репрезентативны не для всего населения, а для его части, однако в этом случае необходима их эквивалентность. Обоснование этой эквивалентности может оказаться весьма непростой задачей из-за культурных и институциональных кросснациональных различий (например, социальная категория «студенты» в разных странах может различаться по социальному статусу, этничности, гендеру и другим показателям).

- Требуется достаточно большое количество стран. На практике «достаточно большое» определяется не индивидуальными предпочтениями исследователя, а требованиями регрессионного анализа. Для того, чтобы вычислить минимальное

достаточное число стран, следует определить предполагаемое количество объяснительных факторов в выбранной модели национализма (независимые переменные) и умножить его на десять.

• Измерения должны быть эквивалентны. Это означает, что все первичные эмпирические данные следует получать при помощи одного и того же инструментария и в одно и то же время. Иначе неясно, чем обусловлены кросснациональные различия – особенностями стран, различиями в процедуре сбора данных, глобальным историческим контекстом или, что наиболее вероятно и наименее информативно, сочетанием всех этих факторов.

Одним из примеров таких межстрановых исследований, проводимых регулярно на большой выборочной совокупности, являются исследования, проводимые проектом World Values Survey (WVS). Опросник WVS содержит такие переменные, релевантные тематике национализма: 1) «иммигранты/рабочие-иностранцы являются нежелательными соседями?»; 2) «насколько вы гордитесь своей нацией?»; 3) «конечно, мы все надеемся, что очередной войны не будет, но если она начнется, то будете ли вы сражаться за свою страну?»; 4) «когда рабочих мест недостаточно, соотечественники должны получать приоритет перед иммигрантами?»; 5) «что вы думаете о людях из других стран, приезжающих сюда работать? Как вы полагаете, что должно сделать правительство?». Эти переменные предоставляют различные возможности для операционализации национализма. Каждую из них можно рассматривать отдельно и соотносить с национализмом, национальностью, патриотизмом, национальной идентичностью и близкими понятиями.

В качестве другого примера межстрановых исследований национализма можно привести исследование, проведенное в Университете Неймегена (Нидерланды) в начале 2000-х годов. Основной целью исследования тогда выступило изучение влияния уровня образования на различные аспекты национализма и этнической исключительности с использованием данных опроса 1995 года, собранных в 22 странах.

В исследовании национализм определялся как чувство национального превосходства и поддержка национального господства. Кроме этого, авторы выделили два измерения национализма: шовинизм и патриотизм. Шовинизм можно охарактеризовать как представление о том, что собственная этническая группа и страна уникальны и превосходят другие. Патриотизм имеет 2 ипостаси: слепой и конструктивный. Слепой патриотизм определялся как жесткая и непреклонная привязанность к стране, характеризующаяся безусловной положительной оценкой, стойкой преданностью и нетерпимостью к критике. Конструктивный патриотизм, с другой стороны, был определен как привязанность к стране, характеризующаяся поддержкой вопросов и критикой существующих групповых практик, которые призваны привести к позитивным изменениям.

Что касается индикаторов национализма, шовинизма и патриотизма, то шовинизм измерялся учеными через понятия, относящиеся к превосходству своей собственной страны и ее жителей, а также через понятия, относящиеся к слепой, некритической привязанности к своей собственной стране. Патриотизм измеряли через гордость за коллективные блага страны - ее демократию, политическое влияние и экономические достижения. Еще один набор пунктов касается исключения иммигрантов и политических беженцев, оценивая склонность респондента закрывать национальные границы для этнических пришельцев.

Основные методы количественных сравнительных исследований национализма на больших выборках – это многоуровневый регрессионный анализ, если зависимая переменная – отдельный вопрос, и многоуровневое моделирование структурных уравнений, если зависимые и/или независимые переменные – факторы.

Главное достоинство данного дизайна исследований национализма – возможность преодолеть хаотичное многообразие теорий национализма. Основное ограничение состоит в том, что результаты исследований выявляют лишь общие тенденции и не позволяют учитывать специфические причины и проявления национализма в отдельных странах.

Заключение

На сегодняшний день довольно много научных центров во всем мире проводят исследования, направленные на изучение националистических настроений в полиэтнической среде. Они могут быть направлены, как на изучение патриотизма, так и на определение, выявление экстремистских настроений, деятельности, направленной на пресечение их распространения.

С точки зрения методологии исследований, в современной науке исследования по теме этнонационализма проводятся по междисциплинарному принципу на стыке нескольких наук. Используются как общенаучные методы (анализ, синтез, системный и структурно-функциональный подходы), специальные методы исследования (исторический, социологический, бихевиористский) и лингвистики (структурный метод: анализ поликодового текста, лексико-семантический). Причем данные методы могут использоваться как основной метод в исследовании, так и в триангуляции с другими методами. Выбор той или иной методологии обусловлен целью, задачами исследования, возможностями и ресурсами, которыми располагает исследователь.

При этом, одним из наиболее эффективных путей распространения экстремистских идей является интернет, в силу ряда причин, в том числе быстроты и простоты подачи информации, горизонтальности связей.

Сеть является удобной площадкой для распространения материалов пропагандистского характера. Для большей убедительности используется определенное лексическое поле, визуальный ряд, способные активно влиять на психику индивидов, подвигая на определенные поступки. То есть информация

в социальных сетях зачастую направлена на получение эмоционального отклика, живого вовлечения в обсуждение. В результате, пользователи невольно воспринимают себя участниками тех или иных движений. Как отмечают исследователи, пользователям неловко и даже страшно терять признание своего сетевого окружения, в результате чего они утрачивают свободу самостоятельно мыслить, высказывать мнение, отличное от мыслей своего виртуального «мирка», представители которого хищно набрасываются на того, кто выразил сомнение в правильности решения, принимаемого данной группой. Этот механизм является одним из основных, посредством которого происходит вербовка в объединения экстремистского толка.

Посредством социальных медиа значимое распространение получает проблема киберзапугивания, угрозы физического и эмоционального насилия, которой особенно подвержены дети и подростки.

Потому в зарубежной практике в полиэтнических обществах большое значение придают тщательному изучению контента в социальных сетях, появляется термин «язык ненависти», который предусматривает значимую систему наказаний. При этом, в Казахстане законодательство, направленное на наказание за использование языка вражды, также достаточно активно применяется, и, как указывают эксперты, первое место как раз занимают этнические обвинения. В этом контексте, смысл имеет оказывать влияние, повышать культуру населения, объяснять, что влечет за собой использование «языка вражды, ненависти», выработать в обществе механизмы саморегуляции, толерантность.

Список источников и литературы:

1. Душин А.В., Салагаев А. Образы русского национализма в риторике участников национал-патриотических групп // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3.
2. Владимирович П.Е. Анализ националистического дискурса в России (на эмпирических материалах Архангельской области) // The Regionological Journal of Pskov [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/resgN> (дата обращения: 31.08.2020).
3. Ковалева К.И. Националистические тексты в социальных сетях: дис. – 2018.
4. Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Е. Национализм и ксенофобия в российском обществе / А. Верховский, В. Прибыловский, Е. Михайловская, Панорама (РУ), 1998, С.204.
5. Ляшенко И., Федюнина И. Этнические прозвища русских в украинской и российской блогосферах [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/resht> (дата обращения: 13.06.2021).
6. Todosijević B. Dimensions of nationalism: Structure of nationalist attitudes in Hungary and Yugoslavia // Central European Political Science Review. – 2001. – Т. 2. – №. 6. – С. 170-186.

7. Blank T., Schmidt P. National Identity in a United Germany: Nationalism or Patriotism? An Empirical Test With Representative Data 2003.
8. Satrio K. [и др.]. Nationalism attitude of Indonesian citizen: A survey Atlantis Press, 2019. С. 264–266.
9. Владимирович П.Е. Анализ националистического дискурса в России (на эмпирических материалах Архангельской области) // The Regionological Journal of Pskov [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/resgN> (дата обращения: 31.08.2020).
10. Кузнецов И. М. Разработка и адаптация методики «Шкала этнонациональных установок» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 527–541. 2018. С. 527–541.
11. Buhr R.L., Fabrykant M., Hoffman S.M. The Measure of a Nation: Lithuanian Identity in the New Century 2014.
12. Национализм в современном мире: сравнительное межстрановое исследование [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/reskv> (дата обращения: 31.08.2020).
13. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика. Глава 1 (Джоэл Дж. Дэвис) - Раздел: Методы маркетинговых исследований - Методы и технологии - Социологос [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/resmV> (дата обращения: 31.08.2020).

Директор / Director
Қалиев Талғат Бегімұлы
Kaliyev Talgat Begimovich
Калиев Талгат Бегимович

CONTACT

 Нұр-Сұлтан қаласы, Алматы көшесі, 7, «Seven» БО
Nur-Sultan city, Almaty street, 7, BC «Seven»
г. Нур-Султан, ул. Алматы, 7, БЦ «Seven»

 +7 (7172) 47-28-09

 info@iaer.kz

Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты / Institute of Applied Ethnopolitical Research / Институт прикладных этнополитических исследований

Институт этносаралық қатынастар саласындағы мемлекеттік саясатты талдамалық, зерттеу және сараптамалық қолдауды жүзеге асырады.

The Institute provides analytical, research and expert support for state policy in the field of interethnic relations.

Институт обеспечивает аналитическое, исследовательское и экспертное сопровождение государственной политики в сфере межэтнических отношений.

бағыттар: / directions: / направления:

- этникалық топтардың өзара қарым-қатынастарын зерделеу үшін өңірлерге мониторингтік шығуларды жүзеге асыру / implementation of monitoring visits to the regions to study the relationship of ethnic groups / осуществление мониторинговых выездов в регионы для изучения взаимоотношений этнических групп;

- этносаралық қатынастар саласында әлеуметтік зерттеулерді ұйымдастыру және жүргізу / organization and conduct of sociological research in the field of interethnic relations / организация и проведение социологических исследований в сфере межэтнических отношений;

- этносаралық сала тақырыптары бойынша әдістемелік құралдар мен материалдар әзірлеу және басып шығару; / development and publication of methodological manuals and materials on the topics of the interethnic sphere; / разработка и издание методических пособий и материалов по тематикам межэтнической сферы;

- ОМО, ЖАО қызметкерлері және басқа да мүдделі органдар/тұлғалар үшін оқыту семинарлары мен тренингтерін өткізу; / conducting training seminars and trainings for employees of the Central state bodies of Civil Defense, local executive bodies and other interested bodies/persons; / проведение обучающих семинаров и тренингов для сотрудников ЦГО, МИО и других заинтересованных органов/лиц;

- жетекші шетелдік талдау орталықтарымен және сарапшылармен халықаралық ынтымақтастық және пікірталас алаңдарының жұмысын ұйымдастыру. / organization of discussion platforms and international cooperation with leading foreign analytical centers and experts. / организация работы дискуссионных площадок и международное сотрудничество с ведущими зарубежными аналитическими центрами и экспертами.